

**«Когда в товарищах согласья нет...»
А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, С. С. Уваров**

Аннотация: В статье заново ставится ряд кардинальных проблем наследия А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя. Анализируется роль и значение памфлета Пушкина против С. С. Уварова «На выздоровление Лукулла» в общем контексте политических взглядов поэта. Освещаются обстоятельства создания и характер последующего восприятия пушкинского стихотворения. По-новому переосмысливается соотношение между еще одним политическим произведением поэта, одой «Вольность», и одноименным стихотворением А. Н. Радищева. Подчеркивается принципиальное, малоисследованное различие между двумя одами. Рассматривается общая полемика Пушкина и Гоголя с взглядами Радищева. Коренной ревизии подвергнуты также искаженные представления о немаловажных воззрениях Пушкина как теоретика и историка литературы. Подробно анализируется многолетний историко-литературный спор поэта с его современниками о мнимом «ничтожестве» русской словесности. Устанавливается, что, вопреки расхожим мнениям идеологов последующей эпохи, Пушкин отнюдь не разделял западнические и декабристские суждения о «ничтожестве литературы русской», но, напротив, являлся защитником «монархического» наследия отечественной словесности XVIII в. — того наследия, которое либерально настроенные литераторы нового поколения объявили, за оды русских писателей царям, несуществующим. На основании многочисленных свидетельств подчеркивается, что Пушкин, Гоголь и Уваров разделяли одни и те же общественно-политические и религиозно-патриотические взгляды. Однако, находясь в одной «парадигме», все трое по разным причинам не нашли общего языка для совместной деятельности на поприще просвещения России.

Ключевые слова: Пушкин, Уваров, Данте, Радищев, Гоголь, биография, творчество, интерпретация, радикализм, консерватизм, монархизм, патриотизм, духовное наследие.

Информация об авторе: Виноградов Игорь Алексеевич, ORCID 0000-0002-9151-4554 — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25а, 121069, г. Москва, Россия

E-mail: info@imli.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 15.03.2019

Дата публикации статьи: 27.07.2019

Для цитирования: Виноградов И. А. «Когда в товарищах согласья нет...» А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, С. С. Уваров // Два века русской классики. 2019. №1. С. 34–103. DOI 10.22455/2686-7494-2019-1-1-34-103

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019. Igor A. Vinogradov
Moscow, Russia

“When there is no agreement between friends” A. S. Pushkin, N. V. Gogol, S. S. Uvarov

Abstract: The article reposes a number of fundamental problems of the heritage of A. S. Pushkin and N. V. Gogol. The role and significance of Pushkin’s pamphlet against S. S. Uvarov “For the Recuperation of Lucullus” in the general context of the poet’s political views are analyzed. The circumstances of the creation and the nature of the subsequent perception of Pushkin’s poem are highlighted. The relation between another political work of the poet, an ode to “Liberty”, and the poem of the same name by A. N. Radishchev, is being reinterpreted in a new way. The fundamental, little-studied difference between the two odes is emphasized. The general controversy between Pushkin and Gogol with the views of Radishchev is considered. Distorted ideas about Pushkin’s important views as a theorist and literary historian were also subjected to fundamental revisions. A long-term historical and literary dispute between the poet and his contemporaries about the supposed “insignificance” of Russian literature is analyzed in detail. It is established that, contrary to the popular opinions of the ideologues of the subsequent epoch, Pushkin did not share Westernistic and Decembrist opinions about the “insignificance of Russian literature” at all, but, on the contrary, Pushkin was a defender of the “monarchical” heritage of Russian literature of the 18th century - the heritage that the liberal-minded writers of the new generation declared, due to the odes of Russian writers to the kings, to be nonexistent. Based on numerous testimonies, it is emphasized that Pushkin, Gogol and Uvarov shared the same socio-political and religious-patriotic views. However, being in the same “paradigm”, all three for various reasons did not find a common language for joint activities in the field of education in Russia.

Keywords: Pushkin, Uvarov, Dante, Radishchev, Gogol, biography, creativity, interpretation, radicalism, conservatism, monarchism, patriotism, spiritual heritage.

Information about the author: Igor A. Vinogradov, ORCID 0000-0002-9151-4554, DSc in Philology, Chief Researcher, A.M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25a, 121069, Moscow, Russia

E-mail: info@imli.ru

Received: March 15, 2019

Published: July 27, 2019

For citation: Vinogradov I. A. “When there is no agreement between friends” A. S. Pushkin, N. V. Gogol, S. S. Uvarov. Two centuries of the Russian classics, 2019, vol. 1, no 1, pp. 34–103. (In Russ.) DOI 10.22455/2686-7494-2019-1-1-34-103

I

Известная сатирическая ода А. С. Пушкина «На выздоровление Лукулла» написана почти два столетия назад — в 1835 г. Появившаяся в столь далекое время, она тем не менее до сих пор вызывает вопросы и возбуждает недоумения. Пушкинский памфлет обличает неидеальные частные черты одного из выдающихся государственных деятелей России, одного из высокопоставленных лиц из окружения Императора Николая I, тогдашнего министра народного просвещения С. С. Уварова. Обличительная ода Пушкина явилась вскоре после того, как Уваров по инициативе Государя сформулировал, а затем обратил к современникам знаменательный призыв строить жизнь на коренных русских началах Православия, Самодержавия, Народности. Именно эта хронологическая близость между начинаниями Уварова и последовавшим резким памфлетом Пушкина сообщает пушкинскому произведению острую, не утихающую «интригу».

Пушкинский памфлет примечателен прежде всего тем, что с самого своего возникновения стал в руках противников уваровской триады, «испытанным» идеологическим оружием в разобщении русского общественного сознания. Обращение к пушкинской сатире служило и служит для критиков традиционных отечественных ценностей основанием для заявлений о якобы критическом отношении Пушкина не только к личности Уварова, но и к Самодержавию в целом — к одной из важнейших основ русской самобытности.

Безусловно, реальный — не радикализированный идеологами последующей эпохи Пушкин не укладывается в эти интерпретации. Поэт-«аристократ», потомок «бояр старинных» Пушкин [Пушкин, 1948. Т. 3. Кн. 1: 261], порой выступавший, по целому ряду вопросов, в качестве «оппозиционера» власти, был мыслителем определенно консерватив-

ного направления. С предельной искренностью Пушкин заявил о своих глубоких патриотических и монархических убеждениях в письме к П. Я. Чаадаеву 1836 г.: «Хотя лично я сердечно привязан к Государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора — меня раздражают, как человек с предрассудками (т. е. как человек с освященными традицией убеждениями. — *И. В.*) — я оскорблен, — но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал» [*Пушкин, 1949. Т. 16: 393*].

Как же в таком случае совместить сатирический выпад Пушкина против министра Уварова и его неизменные, не внушающие сомнения патриотизм и монархизм — исконную верность поэта началам Православия, Самодержавия, Народности? Каково подлинное место сатирического памфлета поэта против министра?

Первая публикация оды «На выздоровление Лукулла. Подражание латинскому» на страницах «Московского Наблюдателя» была во многом спонтанной, обусловленной временным раздражением Пушкина против Уварова. Вскоре поэт сам раскаивался в необдуманном поступке.

Но явившееся таким образом стихотворение — содержащее, по оценке известного русского философа В. С. Соловьева, «грубое личное злословие» в адрес министра, представляющее собой «жертву», которую Пушкин принес не музам, а «демону гнева» [*Соловьев: 149*], — как нельзя кстати пришлось критикам самодержавной России. Ода «На выздоровление Лукулла» сразу по появлении заняла одно из первых мест в числе произведений, распространяемых в обществе с целью желаемого свержения «царизма». Первая, после публикации 1835 г., перепечатка памфлета была сделана в 1856 г. А. И. Герценом в лондонской «Полярной Звезде» [*Герцен: 23–24*]. Еще раз напечатать пушкинскую оду в России пытался в 1857 г. приятель В. Г. Белинского либерал П. В. Анненков [*Щеголев, 1931: 363, 366*].

Подлинное отношение Пушкина к власти мало интересовало радикальных идеологов. В критике самодержавия отрицателям нужен был лишь авторитет поэта. Именно поэтому позволить обществу «забыть» необдуманную пушкинскую сатиру на Уварова — которой сам поэт желал «заслуженного <...> забвения» [*Пушкин, 1949. Т. 16: 384*], — было недопустимо. Напротив, по логике радикалов, следовало еще и еще раз напоминать о пушкинском конфликте с Уваровым, а из памфле-

та «На выздоровление Лукулла» сделать произведение «программное», «образцовое» — даже с эстетической точки зрения.

При этом пропаганда пушкинской оды «На выздоровление Лукулла» была лишь одним из звеньев общей работы. Пушкин был хоть и едва ли не главной, но не единственной фигурой, которая использовалась в игре. Радикальная критика во многом и самим своим «родоначальникам» — декабристам — из которых многие были в дружбе с Пушкиным — тоже навязывала образ далекий от реальности. Декабристы, будучи сторонниками дворцового переворота — готовые осуществить эту цель любыми средствами, вплоть до цареубийства (как в недавние времена Павла I), в большинстве своем, по своим убеждениям, оставались патриотами, защитниками России — многие из них отличились ранее в Отечественной войне 1812 года. (Оставляем в данном случае в стороне вопрос о том, насколько соответствовало интересам страны декабристское понимание патриотизма.) Декабристы, как и Пушкин, по существу, тоже имели мало общего с последующими «борцами с царизмом» — Белинскими, Чернышевскими, Писаревыми и пр. Принадлежа, подобно Пушкину, к известным дворянским родам, декабристы, питая честолюбивые политические амбиции, по сути, отстаивали перед лицом самодержавия интересы узкой «боярской» аристократии.

Вполне беспристрастное свидетельство о «боярском» духе декабризма оставил в своих мемуарах один из «прогрессивных» деятелей той поры — знакомый К. Маркса, В. Г. Белинского и Н. А. Некрасова, «либеральный человек Николаевского времени» (как он сам себя называл) Г. М. Толстой. В 1863 г., на закате жизни, Григорий Толстой писал о декабристском заговоре: «...Боже мой, что это было за время! В редком доме не оплакивали отца, сына, племянника, мужа, брата или друга, а между тем в них же проклинали бунтовщиков! Мне не раз удавалось слышать такие рассуждения: “Да! Надо сознаться, что люди окончательно развратились! Подумайте, кто у нас бунтует? Нищие, оборванцы, что ли? Пьяницы, Санкулоты что ли? — Нет, сударь, нет! Первые Русские фамилии: Князья Одоевские, Волконские, Голицыны, Оболенские, Графы Чернышovy! Да и кого тут нет? Все лучшие фамилии замешаны в этом проклятом заговоре! А спросить бы их, чего им недоставало? Мы сами Князьки, мы сами Царьки! Так нет, этого мало — будем бунтовать! У меня тоже племянника взяли, славный был малый; но признаюсь, что мне не столько жалка, сколько садка вся эта

проклятая история». Для исторической верности скажу, что эти слова произнесены были при мне родною теткою <декабриста> Василия Петровича Ивашева» [Виноградов, 2019 (а): 239–240].

Нуждается в пояснении слово «санкулоты» — или санкюлоты, употребленное старшей родственницей декабриста. Так звали во времена Французской революции 1789–1799 гг. революционных представителей «третьего сословия» — от *фр. sans-culottes*, «без кюлотов» (без особых штанов-«кюлотов», которые носили только аристократы). Соответствующие размышления о революционном «третьем сословии» встречаются и у самого Пушкина. Поэт тоже задумывался над тем, почему в радикальном движении в России место «бесштанного» третьего сословия занимают не «нищие, оборванцы», не «пьяницы», а известные дворянские роды. В 1834 г. в беседе с великим князем Михаилом Павловичем Пушкин говорил: «Что касается до *tiers état* <*фр. третье сословие*>, что же значит наше старинное дворянство с именами, уничтоженными бесконечными раздроблениями, с просвещением, с ненавистью противу аристокрации и со всеми притязаниями на власть и богатства? Эдакой страшной стихии мятежей нет и в Европе. Кто были на площади 14 декабря? Одни дворяне. Сколько ж их будет при первом новом возмущении? Не знаю, а кажется много» [Пушкин, 1949.Т. 12: 335].

Как истинный патриот, гордящийся тем, что является представителем преданного престолу служилого дворянства, Пушкин отделял себя не только от записных радикалов, но даже от той близкой ему родовой аристократии, которая по каким-то причинам исповедовала радикальные взгляды. О родовитых — украшенных «лентами и звездами» — «мстителях»-цареубийцах — нанесших «преступные» смертельные «удары» Павлу I — и идет речь в знаменитой пушкинской оде «Вольность», написанной Пушкиным в восемнадцатилетнем возрасте, в 1817 г. В этом стихотворении, опять-таки, последующие радикальные интерпретаторы, опираясь на авторитет Пушкина, без достаточных оснований видели себе некое оправдание. Пушкинская ода в свою очередь была напечатана Герценом в 1856 г. в «Полярной Звезде», вместе с памфлетом «На выздоровление Лукуллу» (это стало первой публикацией пушкинского стихотворения) [Герцен: 3–6].

В отличие от оды А. Н. Радищева с одноименным названием, где порицается и «власть царска», и «вера» — и прямо призывается «мсти-

тель» на царей [Радищев: 4], пафос пушкинской оды принципиально иной. Наряду с провозглашаемым стремлением «на тронах поразить порок» (чему исключительное внимание уделяет Радищев), Пушкин, *возражая* своему предшественнику, одновременно сообщает и о том «ужасе», который внушают ему мстительные ниспровергатели «тронов».

Даже элементарное здравомыслие не позволило бы «аристократу» Пушкину повторять Радищева, быть последователем его крайних, вполне «анархистских» идей. Полемизируя с Радищевым, с его одой «Вольность», Пушкин в 1836 г. в статье «Александр Радищев», предназначенной для журнала «Современник», писал о Французской революции: «Мог ли чувствительный и пылкий Радищев не содрогнуться при виде того, что происходило во Франции во время *Ужаса*? Мог ли он без омерзения глубокого слышать некогда любимые свои мысли (заключенные в оде «Вольность». — *И. В.*), проповедаемые с высоты гильотины, при гнусных рукоплесканиях черни?» [Пушкин, 1949. Т. 12: 34].

Слова Пушкина об «ужасе» мщения как отличительной черте Французской революции прямо повторил в том же 1836 г. Гоголь, принимавший активное участие в издании «Современника». В рецензии на книгу М. П. Погодина «Исторические афоризмы», напечатанной в первом номере журнала, Гоголь писал: «Попытку к революции в других государств<ах> отвадила Франция примером ужаса бывшей революции» [Гоголь, 1952. Т. 8: 567].

Об этом же «ужасе» и идет речь в раннем стихотворении Пушкина, оде «Вольность», полемически противопоставленной «Вольности» Радищева. Вопреки предложению Радищева «ликовать» по поводу казни царя («Ликуйте, склепанны народы, / Се право мщенье природы / На плаху возвело царя» [Радищев: 5]), Пушкин в своем стихотворении напоминает о том, как в 1793 г. вероломной казни был предан король Людовик XVI, что послужило приходу к власти «самовластительного злодея» Наполеона. Последнего Пушкин называет в стихотворении «ужасом мира» и «стыдом природы». Далее в пушкинской оде повествуется о родственном «ужасу» Французской революции не менее поражающем «ужасе наших дней» — обстоятельствах отечественного «мщения тирану» — убийства заговорщиками Императора в 1801 г.:

«Вином и злобой упоенны,
Идут убийцы потаенны... <...>
О стыд, о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары,
Падут преступные удары,
Погиб увенчанный злодей» [Герцен: 5–6].

«Стыдом» и «ужасом» называет восемнадцатилетний, «ранний» Пушкин те радикальные средства, которые с увлечением проповедовал борец с «тиранами» Радищев.

Как известно, ода Пушкина «Вольность» в 1820-х гг. широко ходила по России в списках. Дошла она в те годы и до «студентов» Гимназии высших наук в Нежине, где учился Гоголь (см.: [Виноградов, 2017. Т. 1: 512, 552]). Неудивительно поэтому, что в статьях Гоголя 1830-х гг. встречаются явные реминисценции этого пушкинского стихотворения. Судя по этим переключкам, в оде Пушкина Гоголя привлекли именно слова об «ужасах» беззаконного, «преступного» мщения — слова, характеризующие поэта принципиальным противником цареубийства и революции. Очевидно так, — а не иначе, не по-герценовски, — врез с навязанными позднее интерпретациями, прежде всего и понимали пушкинскую оду «Вольность» большинство современников поэта.

Очевидным пересказом строк пушкинской оды являются многочисленные размышления Гоголя о мстительных убийцах, являвшихся в истории во времена недостойных правителей. В частности, эти размышления содержатся в гоголевских статьях «Ал-Мамун» и «О Средних веках», помещенных в 1834 г. в сборник «Арабески». В первой статье рассказывается о неразумном арабском калифе, вызвавшем своим деспотическим правлением среди подвластного ему народа «оппозиционный фанатизм, который растерзал массу, <...> посеял плевелы в недрах государства, <...> дал нож и яд ненависти в руки испуганных последователей ислама, <...> произвел множество ослепленных сект и ужаснее всего секту карматианов, долго еще свирепствовавшую под именем Сирийских Убийц во время крестовых походов» [Гоголь, 2009. Т. 7: 354]. — Строки Гоголя еще более проясняет сохранившийся в его бумагах отрывок из неизвестной, задуманной в 1832 г. драмы, где герой, убивший своего обидчика, размышляет: «Он был гнусен, но был человек. А человек разве имеет право

судить человека? Разве кроме меня нет Высшего Суда? Разве я был назначен его палачом? Убийство! Честный ли человек он был, подлец ли, но я все-таки убийца... Убийца не имеет права жить на свете. (*Застреливается.*)» [Гоголь, 2009. Т. 7: 127].

Продолжением пушкинских размышлений о политических оппозиционерах — «потаенных убийцах» — являются строки Гоголя из второй статьи — «О Средних веках», — повествующие о наказании «тиранов» по приговорам «подземных судей». Предупреждая правителей об «ужасе» возможного возмездия, Пушкин писал:

«Внемлите истине цари,
Ни наказанья, ни награды,
Ни мрак темниц, ни алтари
Не верные для вас ограды!» [Герцен: 6].

Повторяя это предупреждение поэта, Гоголь в статье «О Средних веках» замечал: «...Возникают <...> страшные тайные суды, <...> являющиеся уже не совестью перед ветреным миром, но страшным изображением смерти и казни. Ни сила, ни обширные земли, ни даже самая корона <...> не отменяют произнесенного ими приговора. Незнаемые, <...> под сырым сводом глубокого подземелья <...> эти подземные судьи <...> произносили обвиняющее слово... <...> Напрасно властитель грозю могущества своего затрудняет к себе приближение, напрасно его золото... <...> — неумолимый кинжал настагает его на конце мира...» [Гоголь, 2009. Т. 7: 185].

Несомненной аналогией к «страшному изображению смерти и казни», которое оставили как память о себе средневековые «тайные суды», является написанная тогда же Гоголем повесть «Вий». Здесь также речь идет о мести и убийстве. Сначала — об убийстве ведьмы-панночки распутным бурсаком Хомой Брутом — героем, носящим имя известного из древней истории царевубийцы. Затем следует еще одна смерть: она настагает Хому Брута глубокой ночью за несправедную жизнь и убийство панночки. Наказание совершается, как и в статьях «Ал-Мамун» и «О Средних веках», «ослепленным» «подземным» персонажем — демоническим мстителем Вием.

Попутно наконец объясняется и происхождение одной загадочной, давно занимающей исследователей фразы в черновике «Вия». В опи-

сании избитой до смерти ведьмы в черновом автографе встречается весьма неожиданная (в частном контексте рассказа) фраза об «угнетенном народе»: «...Душа его начинала как<-то> болезненно мучиться [по мере того, как глядел на нее <...>]. Как будто бы вдруг <...> кто-нибудь запел песню об угнетенном народе» [Виноградов, 2019 (6): 142] (в окончательной редакции: «...песню похоронную» [Гоголь, 2009. Т. 1–2: 655]). По замыслу Гоголя, «ужас» «Вия» заключается не только — и не столько в устрашающих явлениях нечистой силы, сколько в «угнетении», убиении грехом в человеке образа и подобия Божия. «Мертвые души» «Вия» — блудник-грешник Брут и падшая, демоническая красавица-ведьма. Их «сражение», в котором «тиран» и «тираноубийца» по ходу рассказа меняются местами, строится Гоголем по аналогии с политическими «ужасами» — борьбой деспотов и их мстителей. Хотя аналогия между «бытовым» содержанием «Вия» и вопросами политики весьма отдаленна, «неожиданна», она тем не менее несомненна. Политика относится здесь к истории бурсака так же, как древняя римская история отзывается в его имени. Сходное напоминание об «ужасах», тоже имеющих отношение, на первый взгляд, только лишь к частной «беспорядочной жизни» героев — а отнюдь не к политике, — Гоголь оставил несколько лет спустя в «Театральном разъезде после представления новой комедии»: «Зачем один отец, желая исторгнуть своего сына из беспорядочной жизни, не тратил слов и наставлений, а привел его в лазарет, где предстали пред ним во всем ужасе страшные следы беспорядочной жизни?» [Гоголь, 2009. Т. 3–4: 450]. Согласно этому авторскому толкованию, изображенный в «Ревизоре» «частный ужас» героев комедии — облеченных властью гражданских чиновников (а также «ужасы», греховная жизнь, представленная в других произведениях Гоголя, — в «Вии», «Носе», «Мертвых душах»), имеет, по глубокому убеждению писателя, ближайшее, непосредственное отношение к жизни самого государства. На эту связь «политики» с состоянием «частной» нравственности Гоголь прямо указывал позднее в неотправленном письме к В. Г. Белинскому: «...Правительство состоит из нас же: мы выслуживаемая и составляем правительство. Если же Правительство огромные корпорации воров, <...> думаете, этого не знает никто из Рус<с>ких?..» [Гоголь, 2009. Т. 14: 386].

Итак, весьма показательно, что сразу в четырех гоголевских произведениях — в статьях «Ал-Мамун», «О Средних веках», в отрывке

из неизвестной драмы, в повести «Вий» — мы видим такое же переплетение и чередование убийств и тиранств, какое Пушкин изобразил ранее — не оправдывая ни того, ни другого — в оде «Вольность» в образах «зверей»-царевубийц и казнимого ими «увенчанного злодея».

Ни Пушкин, ни Гоголь, несмотря на кажущуюся «законность» возмездия «тиранам», никогда не извиняли, подобно Радищеву, «подземных» мстителей за исполняемую ими демоническую роль. Но осуждая совершаемые тираноубийцами политические преступления, Пушкин и Гоголь в то же время наблюдали и неумолимую историческую неизбежность появления этих вершителей казни при пагубном возрастании тиранов. Подобная «амбивалентность» и сказалась вполне в созданном Гоголем образе Вия, представляющего собой как бы вполне «справедливого» — соответствующего безнравственному поведению семинариста-бурсака, но оттого не менее «ужасного» по своей природе мстителя.

Еще один яркий «амбивалентный» пример «законно» совершаемого «беззакония» — или «беззаконно» вершимого «закона» — являет собой у Гоголя описание в «Тарасе Бульбе» одного из обычаев Запорожской Сечи: «...Более всего произвела впечатление на Андрия страшная казнь, определенная за смертоубийство. Тут же, при нем, вырыли яму, опустили туда живого убийцу и сверх него поставили гроб, заключающий тело им убиенного, и потом обоих засыпали землей. Долго потом все чудился ему страшный обряд казни и все представлялся этот живо засыпанный человек вместе с ужасным гробом» [Гоголь, 2009. Т. 1–2: 325]. — Это описание прямо напоминает сцену «казни» Хомы Брута, оставленного наедине с гробом убитой им панночки.

Размышления об «амбивалентности» казни — ее справедливости, но при этом глубоком ужасе — занимали Гоголя с самого начала творческого пути. Уже в юношеской поэме «Ганц Кюхельgarten», написанной в те годы, когда он познакомился с пушкинской одой «Вольность», писатель размышлял о звездах, ниспосылающих «добрым мир, а злым — яд гибельный упрека» [Гоголь, 2009. Т. 7: 46], — и о «мудреце», размышляющем над том, «кому за доблести бессмертие готово, кому позор, кому венец» [Гоголь, 2009. Т. 7: 19]. Эта же тема впоследствии была воплощена Гоголем в повести «Майская ночь» в положительном образе казака Левко — указывающего, подобно «ужасному» Вию, героине-утопленнице на ее «губительницу» мачеху; в «страшнейшем фан-

томе» «Кровавого бандуриста» [Гоголь, 2009. Т. 7: 93] — «подземном» заступнике плененной, «угнетенной» девушки; в сравнении воина-казака, защитника Малороссии, с «подземным гномом» в черновых набросках статьи «Взгляд на составление Малороссии» [Гоголь, 1952. Т. 8: 598]; в образе «ужасного» — для предателя Андрия — отца в «Тарасе Бульбе» [Гоголь, 2009. Т. 7: 223].

Сюда же относится явление вестника о настоящем ревизоре в финале «Ревизора», которое совершается подобно приходу «каменного гостя» в трагедии Пушкина или финальному явлению Вия в повести Гоголя. По словам Н. Н. Асеева, Вий «появляется <...> в конце повести <...> вроде фельдъегеря в развязке “Ревизора”» [Асеев: 158].

«Совпадение», «смещение» во всех этих случаях, по «функции», настигающих грешника в качестве справедливого возмездия сил — «сходство», по совершаемому действию, наказующих положительных героев с образом демонического Вия — объясняется по крайней мере двумя обстоятельствами.

Во-первых, Гоголь в своих размышлениях о возмездии, по-видимому, опирался на святоотеческое представление о том, что наказателями преступника могут быть не только демоны, но и ангелы, — которые при этом являются для грешника не менее «ужасными». Если для героев-грешников встреча с потусторонним миром предстает как «ужасный, черный» [Гоголь, 2009. Т. 7: 92], «зловещий» [Гоголь, 2009. Т. 8: 330], «подземный голос» [Гоголь, 2009. Т. 1–2: 448], то, в отличие от Хомы Брута, для старосветского Афанасия Ивановича, преданного «любви»-привычке к отшедшей подруге, — это «таинственный зов» [Гоголь, 2009. Т. 1–2: 301] (который, заметим, в то же время пугает самого рассказчика «Старосветских помещиков»); для казнимого за веру Остапа Бульбы — это уже желанный ответ на мольбу об укреплении духа, приносящий утешение в предсмертные минуты (заставляя, опять-таки, «вздрыгнуть» «весь миллион» собравшегося на зрелище казни народа [Гоголь, 2009. Т. 1–2: 407]).

С другой стороны, жестокость, «кровавость» наказания, «ужас» Гоголя перед «страшным обрядом» заслуженной казни — «заживо засыпанным человеком вместе с ужасным гробом» — позволяют говорить о гоголевском понимании зла как беззакония, пожирающего самого себя, т. е. с духовным представлением об одинаково демонической природе озлобленных тиранов и их не менее жестоких мстителей.

Очевидно, что, сравнительно с Радищевым, Гоголь и Пушкин обнаруживают гораздо более глубокое понимание зла — оба в обличении тиранов отнюдь не усматривают «законного» оправдания их убийц.

Пожалуй, можно указать на наиболее вероятный источник размышлений Пушкина и Гоголя об одинаковой природе тиранства и тираноубийства. Выразительный пример «самопожирания зла» оставил в своей знаменитой «тройственной» поэме Данте — поэт, одинаково почитаемый и Пушкиным, и Гоголем. В «Божественной комедии» Данте изобразил, как в последнем поясе последнего круга ада терпят наказание самые отъявленные грешники. Здесь первый отступник от Бога падший ангел Люцифер грызет трех своих «последователей» — Иуду, предавшего Христа, и Брута и Кассия, предавших Цезаря (см. песнь 34, ст. 61–67). Очевидную реминисценцию этих образов дантовской поэмы представляют строки повести Гоголя «Страшная месть», сообщающие народное предание о том, как где-то в Карпатах, «в безвыходной пропасти, которой не видал еще ни один человек, страшющийся проходить мимо, мертвецы грызут мертвеца» [Гоголь, 2009. Т. 1–2: 242]. (Примечательно, что гоголевский «начальник гномов» мститель Вий до сих пор в русских и украинских народных преданиях не обнаружен. Зато установлено, что в этих же преданиях демоническим персонажем с опущенными до земли веками является Иуда; см.: [Франко]; [Виноградов, 2000: 102–104].)

Как известно, Данте, создатель трактата «Монархия», был, — равно, как и Пушкин, и Гоголь, — убежденным монархистом. Для Пушкина Данте являлся прежде всего представителем «аристократической», консервативной Европы. Именно в таком качестве Пушкин представил своего итальянского предшественника в пространном наброске одной из незавершенных статей, относящейся к 1833–1835 гг. Пушкин противопоставлял здесь Данте «площадной» французской литературе. (В суждениях о Данте Пушкин, очевидно, повторял выводы С. П. Шевырева в его диссертации «Дант и его век», напечатанной в 1833–1834 гг. в «Ученых Записках Императорского Московского Университета» (№ 5–11); см. ниже.) Пушкин писал: «Романтическая поэзия пышно и величественно расцвела по всей Европе. Уже Италия имела [тройственную] поэму, в которой все [христианские] предания, всё знание, все страсти, вся духовная жизнь воплощены были чудн<ой> силою поэта... <...> — а у французов Вильон <Франсуа Вийон> воспевал в

площадных куплетах кабаки, воровство и виселицу, <...> и почитался первым народным поэтом!» [Пушкин, 1949. Т. 11: 269, 511]. Далее Пушкин, говоря о засилье французского влияния, с горечью восклицал: «Европа, оглушенная, очарованная славою французских писателей, преклоняет к ним подобострастное внимание. <...> ..Италия отрывается от гения Dante...» [Пушкин, 1949. Т. 11: 272].

II

По поводу обращения Пушкина и Гоголя к наследию итальянского поэта, — конкретно, в связи с оценкой Пушкиным в одной из его незавершенных статей Данте как «консерватора» — пристального внимания требует еще одна важная проблема. В подробном освещении нуждается еще одна сторона Пушкина — на этот раз как историка и теоретика литературы. После длительного периода радикальных интерпретаций наследия поэта практически неизученной, почти неизвестной осталась неизменная консервативная позиция Пушкина в понимании путей развития отечественной словесности. «В тени» остался патриотический пафос Пушкина, неизменно отстаивавшего, вопреки разоблачительным инвективам Радищева и последующей декабристской критики, подлинные интересы русской литературы как стратегической союзницы российской государственности.

Незавершенная статья Пушкина, откуда взяты цитированные строки о «консерваторе»-Данте, уже давно, начиная с тридцатых годов XX в., носит в пушкиноведении сомнительное произвольное название <О ничтожестве литературы русской> (до этого статья печаталась с названием: <О русской литературе, с очерком французской>; см., в частности: [Пушкин, 1911. Т. 5: 292]). Новое условное название дал пушкинской статье в 1934 г. — т. е. спустя сто лет после ее написания — известный советский литературовед С. М. Бонди (см.: [Бонди: 432, 438–439, 442]).

Несмотря на уважение к трудам авторитетного исследователя, следует со всей определенностью подчеркнуть, что в данном случае либо чуть подвело маститого пушкиниста, либо сама эпоха, агрессивная в отношении к патриотическому наследию «старой» России, не позволи-

ла ученому иначе представить статью Пушкина. Закрепившееся с тех пор в собраниях сочинений поэта и в исследовательской литературе предложенное С. М. Бонди название неозаглавленного пушкинского наброска всякий раз «кричащим» противоречием бросается в глаза любому непредвзятому исследователю пушкинского наследия.

Действительно, в пушкинских бумагах сохранился небольшой набросок, точнее, план из нескольких пунктов, неизвестного замысла, который носит авторское название «О ничтожестве литературы русской» [Пушкин, 1949. Т. 11: 495–496]. С. М. Бонди предложил распространить это название на *другой*, пространный набросок (почти статью) Пушкина (в свою очередь посвященный литературе). Исследователь полагал допустимым «отождествить или по крайней мере тесно сблизить» эти два черновых пушкинских отрывка [Бонди: 442]. Основания для подобного решения у С. М. Бонди, безусловно, были. Но принадлежность двух разрозненных фрагментов из бумаг Пушкина к одному замыслу еще не является достаточным основанием для того, чтобы рабочее название одного прилагать к другому. Некорректно название кратких тезисов, проспекта, плана работы переносить на окончательный текст статьи. Если бы Пушкин считал название своих тезисов «О ничтожестве литературы русской» подходящим для самой статьи, то он так ее и назвал бы. Но Пушкин оставил статью неозаглавленной, а значит заглавие, данное в рабочем порядке проспекту, для самой статьи не годилось, должно было быть другое. Автор любого произведения не согласился бы с тем, если вместо окончательного названия его работы в печати появилось бы первоначальное, приблизительное заглавие.

Кроме этих общих соображений, предложенному С. М. Бонди решению противоречит сам замысел пушкинской статьи, каким мы его знаем из сохранившихся набросков. Так, уже в плане статьи (с названием «О ничтожестве литературы русской») имеется следующее важное замечание: «...Французская обмелевшая словесн[ость] envahit tout» (вторгается во все; *фр.*) [Пушкин, 1949. Т. 11: 496]. В неозаглавленном наброске этим строком соответствует не менее примечательное размышление Пушкина о том, что «под небом полуденной Франции пробудилась поэзия, не имевшая ничего общего с величавою поэзиею греческого и латинского мира»: «Рассматривая произведения французской поэзии <...>, нельзя не сознаться в бесплодной ничтожности сего мнимого изобилия. <...> Ни один из франц<узских> поэтов не

дерзнул быть самобытным... <...> ...Легкомысленная и невежественная публика была единствен<ною> руководительницею и образовательницею писателей. В них нет и не было бескорыстной любви к искусству и к изящному. Жалкий народ!» [Пушкин, 1949. Т. 11: 502–504, 269]. Далее в незавершенной статье — названной С. М. Бонди «О ничтожестве литературы русской» — Пушкин еще *шесть* раз упоминает о «ничтожности» французской литературы (см.: [Пушкин, 1949. Т. 11: 504, 509–512]).

Отмеченная переключка между планом и статьей позволяет не только с достаточной уверенностью судить о характере целостного пушкинского замысла, но даже определить его «возраст». Он насчитывает, ни много ни мало, более десяти лет.

Еще в 1822 г. в заметке «О французской словесности» Пушкин замечал: «Что такое фран<цузская> слов<есность>. <...> ...Как можно ей подражать: ее глупое стихосложение — робкий, бледный язык, — вечно на помочах, Руссо в одах дурен — <напротив>¹ Державин. Не решу, какой словесности отдать <предпочтение>, но есть у нас свой язык; смелее! обычаи, история, песни, сказки — и проч.» [Пушкин, 1949. Т. 12: 192].

В последнем замечании Пушкина — в обращенном к самому себе призыве быть «смелее» в разработке темы — явно угадывается намерение написать сравнительную статью о русской и французской литературе — не в пользу последней. Уже из этих пушкинских строк становится ясным, что название позднейшего краткого наброска «О ничтожестве литературы русской» заключает в себе критику чужих взглядов на этот счет и пронизано авторской иронией. Речь идет о только кажущемся для постороннего взгляда «ничтожестве»; на самом деле Пушкин собирается оспорить это негативное мнение.

В 1824 г. в письме к князю П. А. Вяземскому Пушкин вновь замечал: «...Все сборники новых стихов, именуемых романтическими, — позор для французской литературы» [Пушкин, 1937. Т. 13: 529].

В 1830 г. в пушкинских заметках появляется отрывок, свидетельствующий о тогдашней неудачной попытке написать задуманную еще в 1822 г. статью о превосходстве отечественной словесности над французской. Поскольку в ту пору изучение истоков отечественной

¹ Позднее, в конце мая — начале июня 1825 г., Пушкин в письме к А. А. Бестужеву отмечал: «...Крылов <...> в басне столь же выше Лафонтена, как Державин выше Ж. Б. Руссо» [Пушкин, 1937. Т. 13: 178].

литературы было только начато, то Пушкин пришел к неутешительному выводу: «Приступая к изучению нашей словесности, мы хотели бы обратиться назад и взглянуть с любопытством и благоговением на ее старинные памятники, сравнить их с этою бездной поэм, романсов, ироических и любовных, простодушных и сатирических, коими наводнены европейские литерат<уры> средних веков. Нам приятно было бы наблюдать историю нашего народа в сих первоначальных играх разума, творческого духа... <...> Мы увидели бы разницу между простодушною сатирою франц<узских> *trouveurs* <труверы; *фр.*> и лукавой насмешливостию скоморохов... <...> Но к сожалению — старинной словесности у нас не существует. За нами темная степь — и на ней возвышается единственный памятник: Песнь о Полку Иг<оре>». Словесность наша явилась вдруг в 18 столетии, подобно русскому дворянству, без предков и родословной» [Пушкин, 1949. Т. 11: 184].

Тем не менее, несмотря на неудачу 1830 г., спустя два года, в 1832 г., Пушкин вновь возвращается к отложенной статье о русской и французской литературах. На этот раз «программу» статьи Пушкин изложил в письме к М. П. Погодину: «Одно меня задирает: хочется мне уничтожить, показать всю отвратительную подлость нынешней французской литературы. Сказать единожды вслух, <...> что романы А. Vigny <А. де Виньи> хуже романов Загоскина; что их журналы — невежды; что их критики почти не лучше наших Теле-скопских и графских. Я в душе уверен, что 19 век, в сравнении с 18-м, в грязи (разумею во Франции). Проза едва-едва выкупает гадость того, что зовут они поэзией» [Пушкин, 1948. Т. 15: 29].

Согласно с этой программой, Пушкин в том же году писал: «Всем известно, что французы народ самый anti-поэтический. Лучшие писатели их <...> доказали, сколь чувство изящного было для них чуждо и непонятно» [Пушкин, 1949. Т. 11: 219]. — В то же время замечание в письме к Погодину, что французские журналы — «невежды», прямо отозвалось позднее в строках статьи 1833–1835 г. о «невежественных» европейских журналах [Пушкин, 1949. Т. 11: 513].

В свое время пространную, «апологетическую» статью по поводу отношения Пушкина к французской литературе, словно извиняя поэта за критику в ее адрес, написал пушкинист Б. В. Томашевский (см.: [Томашевский]). Эта статья, безусловно, до сих пор не утратила своей научной ценности, однако пушкинская мысль о пагубности

подражания французской либеральной литературе была определенно «размыта» советским исследователем — погружена в обширном перечне действительных и предполагаемых заимствований Пушкина из французской литературы. Вопреки суждениям поэта исследователь даже заявлял, будто в критике вольтерьянства Пушкин пользовался суждениями, «не вполне передававшими его собственные убеждения» [Томашевский: 40] — что «недовольство» Пушкина французской литературой якобы свидетельствует «лишь о крайней» его «заинтересованности» [Томашевский: 2].

На самом деле «заинтересованность» Пушкина заключалась в другом. Важно обратить внимание на то, что название тезисов неозаглавленной статьи — «О ничтожестве литературы русской» — строится Пушкиным, с помощью инверсии, в том же торжественном стиле, что и название знаменитого труда Н. М. Карамзина по отечественной истории. Пушкин, как бы дополняя сочинение историографа, готовит в параллель «Истории государства Российского» не менее важную «Историю литературы русской». (Одновременно Пушкин поручил написать «Историю русской критики» Гоголю [Пушкин, 1949. Т. 12: 324].)

Позднее, 19 октября 1836 г., Пушкин в письме к П. Я. Чаадаеву заявлял: «Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться. <...> ...И (положа руку на сердце) разве не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка?» [Пушкин, 1949. Т. 16: 393].

Возражая на мнение о нашей якобы «исторической ничтожности», Пушкин сходным образом в 1833–1835 гг. в неозаглавленной статье также собирался опровергнуть чужое мнение о «ничтожестве» отечественной словесности — указав на действительное «ничтожество», сравнительно с ней, другой литературы, французской. И содержание, и сама тональность незаконченной статьи указывают на то, что, давая ее краткому плану рабочее заглавие «О ничтожестве литературы русской» (по-видимому, делая это в расчете на дальнейшее уточнение и исправление), поэт, безусловно, подразумевал *мнимое* ничтожество русской словесности. Существенный вес и высокий статус отечественной литературы он и собирался раскрыть во второй, ненаписанной части работы.

По мнению французского исследователя, в своей незавершенной статье Пушкин намеревался доказать, что «русская поэзия более древ-

няя, чем французская» [Моро: 153]. Вряд ли это так. Вследствие тогдашней неизученности литературы Древней Руси на «древности» русской поэзии Пушкин в то время не настаивал. Как и в оставленном отрывке 1830 г., в 1833–1835 гг. он также с сожалением констатировал: «Европа наводнена была неимоверным множеством поэм <...> и проч.; но старинные наши архивы и вивлиофики, кроме летописей, не представляют почти никакой пищи любопытству изыскателей. Несколько сказок и песен, беспрестанно поновляемых изустным преданием, сохранили полуизглаженные черты народности, и *Слово о Полку Игореве* возвышается уединенным памятником в пустыне нашей древней словесности» [Пушкин, 1949. Т. 16: 268]. (Появлению этих строк предшествовала заметка в черновом наброске статьи: «Ничтожество древних наших памятников» [Пушкин, 1949. Т. 16: 500].)

Замысел Пушкина, безусловно, заключался в том, чтобы показать величие и достоинство русской литературы *восемнадцатого* века — «явившейся вдруг <...>, подобно русскому дворянству, без предков и родословной» [Пушкин, 1949. Т. 11: 184].

Ниже мы еще раз остановимся на том, как неосмотрительно предложенное С. М. Бонди условное название пушкинской статьи сослужило самому исследователю дурную службу — привело его к столь же неверным суждениям о характере пушкинского замысла. Но уже и сейчас очевидно, что оставшееся в рукописи, не предназначенное для печати рабочее название проспекта статьи следует привести, при обнаружении ее безымянных черновых набросков, в соответствие с действительным содержанием работы, т. е. с взглядами самого Пушкина. Полагаем, что вместо заглавия <О ничтожестве литературы русской> незаглавленные наброски правильнее называть <Мнения о ничтожестве литературы русской>. Это с очевидностью подчеркнет полемический (а не «утвердительный») характер пушкинской статьи.

Чрезвычайно важное значение в этой связи имеет то, что свои итоговые полемические заметки о мнимой бедности русской литературы Пушкин писал в тот самый значимый период в истории России, который был отмечен провозглашением Уваровым в качестве основ народного образования начал Православия, Самодержавия, Народности. Значимость размышлений Пушкина о мнимом «ничтожестве» русской литературы возрастает многократно, если учесть, что из трех «уваровских» составляющих последняя — Народность — отводилась в то время

именно литературе. Русская литература объявлялась в 1834 г. в качестве *главной* выразительности Народности. 4 декабря 1832 г. Уваров поставил задачу придать литературным журналам направление «сходственное с видами правительства» [Уваров: 352], а спустя несколько месяцев, в 1833 г., литература была названа ключевой составляющей Народности. Это принципиальное положение было высказано 31 августа 1833 г. на торжественном заседании Петербургского университета двумя его ведущими профессорами — П. А. Плетневым, представлявшим «голос» историко-филологического факультета (см.: [Плетнев]), и Н. И. Бутырским, деканом философско-юридического факультета (см.: [Бутырский: 56, 58]). Свои речи профессора — оба писатели — произнесли в присутствии Уварова — и, несомненно, выражали не только собственные воззрения на литературу, но и взгляды самого министра. Оба выступления были вскоре обнародованы в первом номере основанного в 1834 г. Уваровым «Журнала Министерства Народного Просвещения».

III

В свете официально провозглашенного в 1834 г. высокого статуса отечественной словесности — как *главной* выразительности Народности — контрастнее оттеняется и тот круг современников, которым Пушкин намеревался адресовать свою оставшуюся незавершенной статью — чье полемическое мнение «о ничтожестве литературы русской» он собирался оспорить в работе, начатой в 1820-х гг.

Парадоксально, но мнение об отсутствии в России «своей» — национальной литературы обсуждалось главным образом в кругах тех литераторов, которые были наиболее ориентированы на Запад — т. е. не на традиционные русские ценности. Хотя радовали эти литераторы, на первый взгляд, исключительно за национальную литературу, демонстрировали внешне патриотические намерения, однако если приглядеться, то пафос их восклицаний о «ничтожестве» отечественной словесности скрывал интерес в появлении в России не просто «своей», но *определенного* типа «своей» литературы — отражающей интересы либерального, оппозиционного круга русского общества.

Едва ли не первым вопрос о *такой* «национальной» литературе поставил в 1801 г. литератор Анд. И. Тургенев, сын известного вли-

ятельного масона И. П. Тургенева, старший брат декабриста-эмигранта Николая Тургенева и убежденного западника Александра Тургенева. Ставя задачу «дать другой оборот нашей литературе», Андрей Тургенев восклицал: «О русской литературе! Можем ли мы употребить это слово? Не одно ли это пустое название, тогда когда вещи в самом деле не существуют. Есть литература французская, немецкая, аглинская, но есть ли русская?» [Тургенев: 44]. Одновременно в размышлениях либерала возникает характерная, свойственная в дальнейшем большинству сторонников мнения о «ничтожестве» русской литературы нота: предшествующая русская литература — а имелась в виду именно литература XVIII столетия, на защиту которой и встал в 1820–1830-х гг. Пушкин, — эта литература неудовлетворительна, «ненациональна» для Тургенева тем, что расточает «похвалы» русским монархам: «...Что можешь ты узнать о русском народе, читая Ломоносова, Сумарокова, Державина, Хераскова, Карамзина... <...> Карамзин <...> более вреден, нежели полезен нашей литературе...» [Тургенев: 44, 46]; «Смею сказать, что Ломоносов, творец российской поэзии, истощая все дарования на похвалы монархам, много потерял для славы своей» [Лотман: 334].

Приятель К. Ф. Рылеева, член Северного общества А. А. Бестужев в 1823 г. писал: «Оставив <...> бесплодное поле русского театра, бросим взор на степь русской прозы. <...> ...Невольно останавливаешься, дивясь безлюдью сей стороны, — что доказывает младенчество просвещения. Гремущка занимает детей прежде циркуля: стихи, как лезть слуху, сносны даже самые посредственные... <...> От сего-то у нас такое множество стихотворцев (не говорю, поэтов) и почти вовсе нет прозаиков...» [Бестужев (а): 26]. Спустя два года, в 1825 г., из уст Бестужева в адрес отечественной словесности последовал приговор: «...У нас есть критика и нет литературы...» [Бестужев (б): 488].

На эти слова Бестужеву отвечал тогда же Пушкин. Поэт «вернул» бестужевский приговор в адрес самого Бестужева, высказавшись в том смысле, что на самом деле у нас нет не литературы, а достойного уровня критики, чтобы ее оценить, т. е. явно упрекнул в предвзятости самого радикального критика: «У нас есть критика, а нет литературы. Где же ты это нашел? именно критики у нас и недостает. Отселе <неудовлетворительные> репутации Ломоносова и Хераскова... <...> Кумир Державина $\frac{1}{4}$ золотой, $\frac{3}{4}$ свинцовый, донныне еще не оценен.

<...> Мы не знаем, что такое Крылов, Крылов, который в басне <...> выше Лафонтена... <...> Нет, фразу твою скажем наоборот: литература кой-какая у нас есть, а критики нет» [Пушкин, 1937. Т. 13: 177–178].

Тогда же, возражая Бестужеву, Пушкин намеревался написать статью. От этого полемического замысла в его бумагах сохранился лишь черновой набросок, который поэт не озаглавил, но которому исследователи дали впоследствии вполне «законное» условное название — <Возражение на статью А. Бестужева «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начала 1825 годов»> [Пушкин, 1949. Т. 11: 25]. Этот пушкинский набросок, в свою очередь, может рассматриваться в качестве одного из звеньев давнего замысла поэта. Набросок содержит в себе многое из того, над чем размышлял Пушкин начиная с 1822 г. и о чем писал позднее в неозаглавленной статье, которой С. М. Бонди дал опрометчивое название <О ничтожестве литературы русской>. В незавершенных набросках 1833–1835 г., как и в неоконченной статье <Возражение на статью А. Бестужева...>, поэт намеревался в полной мере изложить свои *возражения* на мнения Бестужева и его сторонники о бедности отечественной словесности.

В 1824 г. В. К. Кюхельбекер, единомышленник и приятель Бестужева, в статье «О направлении нашей Поэзии, особенно лирической, в последнее время», напечатанной в альманахе «Мнемозина», тоже выступал за «народность» (за «Поэзию народную», «присвоившую себе все сокровища ума Европы и Азии» [Кюхельбекер (а): 38, 40, 42]) — и опять-таки — в унисон возражениям Тургенева против «похвал монархам», т. е. против одической поэзии Ломоносова и Державина, — ратовал за создание новой «гражданской» оды, в которой воплотилось бы «главное преимущество», «изобретение и новость» «Романтической Поэзии» — «свобода» [Кюхельбекер (а): 39] (см. также: Архипов, Базанов, Левкович: 834)].

От Пушкина на эту статью Кюхельбекера (и на ее продолжение в следующем выпуске «Мнемозины»; см.: [Кюхельбекер (б): 160]) тоже последовало возражение. Черновой набросок задуманной тогда поэтом статьи исследователи тоже озаглавили позднее вполне адекватно: <Возражение на статьи Кюхельбекера в «Мнемозине»> [Пушкин, 1949. Т. 11: 25].

Вслед за Анд. Тургеневым, Бестужевым и Кюхельбекером мнение об отсутствии в России литературы высказал в 1829 г. И. В. Киреевский — будущий славянофил, но в то время еще юный «европеец», апологет «ти-

пографщика Новикова» (руководителя и сотрудника И. П. Тургенева), последователь немецкой философии и ценитель французской словесности. (Последнюю Киреевский, в отличие от пушкинских оценок, одобрял за «тесную связь литературы с жизнью»; за «вкус, приличность, остроумие, чистоту языка» [Киреевский, 1979: 68, 73]). В своем «Обозрении русской словесности 1829 года» Киреевский заявлял: «...Если просвещенный Европейец <...> спросит нас: “Где литература ваша?..” <...> сознаемся, что у нас еще нет полного отражения умственной жизни народа, у нас еще нет литературы» [Киреевский, 1979: 77–78].

Киреевскому Пушкин тоже немедленно возражал. Прочитировав его строки, Пушкин не без иронии отметил: «...Там, где двадцатитрехлетний критик мог написать столь занимательное <...> *Обозрение Словесности*, там есть словесность — и время зрелости оной уже недалеко» («Денница. Альманах на 1830 год, изданный М. Максимовичем» [Пушкин, 1949. Т. 11: 109]).

В 1826 г. юный поэт и «любомудр» Д. В. Веневитинов — тоже последовательный адепт немецкой философии — в своей статье «О состоянии просвещения в России» (опубл. в 1831), в свою очередь, утверждал: «...Положение наше в литературном мире — положение совершенно отрицательное» [Веневитинов, 1980: 276].

В 1834 г. Кс. А. Полевой в запрещенном вскоре «Московском Телеграфе» также писал: «У нас нет Литтературы, потому что книги Русские не выражают вполне России. <...> Для человека, для поэта девятнадцатого столетия чужд и тесен язык наших старых писателей. <...> Попытки Жуковского и Пушкина в подражании Русским сказкам — неудачны...» [Полевой: 118, 134, 131]. — Достаточно сравнить с этим мнением Полевого суждение о русских сказках Жуковского и Пушкина, вынесенное в 1831 г. Гоголем. Посылая тогда Жуковскому экземпляры только что вышедшей книжки собственных «сказок» — первой части «Вечеров на хуторе близ Диканьки», Гоголь писал: «Сказка ваша уже окончена и начата другая, которой одно <...> начало чуть не свело меня с ума (имеются в виду «Сказка о царе Берендее» и «Сказка о спящей царевне». — И. В.). И Пушкин окончил свою сказку! («Сказку о царе Салтане». — И. В.) <...> Мне кажется, что теперь воздвигается огромное здание чисто русской поэзии, страшные граниты положены в фундамент, и те же самые зодчие выведут и стены, и купол, на славу векам, да поклоняются потомки и да имут место, где возносить

умиленные молитвы свои» [Гоголь, 2009. Т. 10: 165–166]. — Гоголевские строки несут в себе вполне определенные новозаветные реминисценции. Св. апостол Павел в Послании к Ефессянам пишет: «Итак вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу, быв утверждены на основании Апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем, на котором все здание, слагаясь стройно, возрастает в святой храм в Господе...» (гл. 2, ст. 19–21) (см. также: 1 Петр. 2, 4–5).

В том же 1834 г. мнение либералов, Анд. Тургенева, Бестужева, Кюхельбекера, Веневитинова, И. Киреевского, Кс. Полевого, об отсутствии в России «национальной» литературы — т. е. на самом деле литературы «вольнлюбивого» толка — было не менее однозначно высказано В. Г. Белинским в самой первой его критической работе, принесшей ему известность, — в статье «Литературные мечтания». Статья была написана Белинским вскоре после провозглашения Уваровым общенациональной программы. С подспудной, подцензурной критикой официального курса и выступил Белинский своей статьей. Чтобы согласиться с существованием русской национальной литературы критику не достаточно творчества М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, М. М. Хераскова, Г. Р. Державина, И. А. Крылова, А. С. Грибоедова, В. А. Жуковского, самого Пушкина и многих других, перечисленных в его статье русских писателей и поэтов [Белинский, 1953. Т. 1: 22, 24]. Белинский заявлял: «...Мы всё еще молимся и поклоняемся многочисленным богам нашего многолюдного Олимпа и нимало не заботимся о том, чтобы справляться почаще с метриками, дабы узнать, точно ли небесного происхождения предметы нашего обожания. <...> История нашей словесности есть <...> история неудачных попыток, посредством слепого подражания иностранным литературам, создать свою литературу...» [Белинский, 1953. Т. 1: 55, 87]; «...У нас нет литературы» [Белинский, 1953. Т. 1: 22].

Подобными эпатажными заявлениями Белинский прямо возражал на статью П. А. Плетнева «О народности в литературе», которая, как отмечалось, 31 августа 1833 г. была прочитана в качестве речи на торжественном собрании Петербургского университета, в присутствии Уварова, а затем напечатана в первом номере основанного министром журнала. В частности, замечая о том, что «для Карамзина еще не наступило потомство» [Белинский, 1953. Т. 1: 56], критик сам подсказывал

читателю, что имеет в виду статью Плетнева. Последний в своей речи, используя выражение из стихотворения Пушкина «Наполеон» (1821), замечал, что для Н. М. Карамзина, «по выражению Поэта, уже настало потомство» [Плетнев: 28].)

В официальной, программной статье «О народности в литературе» Плетнев утверждал: «...Словесность, представила нам первый и прекрасный образец народности. <...> ...Истинная, действительная История народа есть его Литература...» [Плетнев: 5]. Главными выразителями народности Плетнев называл Ломоносова, Державина, Фонвизина, Карамзина и Крылова.

Споря с Плетневым, Белинский о Ломоносове и Державине, напротив, заявлял: «...Ломоносов<...> прельщенный блеском иноземного просвещения, <...> закрыл глаза для родного... <...> ...Он паялил и корчил русский язык на образец латинского и немецкого... <...> ...Что такое его *похвальные слова*? Набор громких слов и общих мест, <...> плоды заказной работы... <...> ...У Державина <...> все отличается одним общим колоритом: <...> всё представляется в преувеличенных, гиперболических размерах. <...> ...Его *невежество* было причиною его *народности*... <...> Подражатели Ломоносова, Державина и Хераскова оглушили всех громким одопением...» [Белинский, 1953. Т. 1: 43–44, 50–51].

В своей речи Плетнев почему-то не назвал Пушкина. Первым, кто восполнил это упущение Плетнева, был Гоголь, который в 1835 г. в статье «Несколько слов о Пушкине», напечатанной в сборнике «Арабески», подчеркнул глубокую народность Пушкина: «Он при самом начале своем уже был национален, потому что истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа» [Гоголь, 2009. Т. 7: 275]¹.

¹ Само по себе это определение Гоголем «истинной национальности» поэта ничего оригинального не представляло. Такое же представление о народности применительно к пушкинской поэзии высказывали ранее, во второй половине 1820-х гг., Д. В. Веневитинов, Н. И. Надеждин, Кс. А. Полевой, М. А. Максимович, И. В. Киреевский (см.: [Трубицын: 413–416]; [Киреевский, 1828: 193–196]). Достаточно привести высказывание Веневитинова 1825 г.: «Я полагаю народность не в черевичах, не в бородах и проч. <...> но в самих чувствах Поэта...» [Веневитинов, 1825: 38]. Принципиальная новизна Гоголя заключалась в «актуальности»

Белинский в «Литературных мечтаниях», напротив, по поводу Карамзина и Пушкина тоже высказывался неодобрительно: «...Имя Карамзина бессмертно, но сочинения его, исключая “Историю”, уже умерли и никогда не воскреснут!.. <...> Подобно Карамзину, Пушкин был встречен громкими рукоплесканиями... <...> Но <...> “Борис Годунов” был последним великим его подвигом... <...> ...Пушкин <...> умер... <...> По крайней мере, судя по его сказкам, по его поэме “Анджело” и по другим произведениям, <...> мы должны оплакивать горькую, невозвратную потерю» [Белинский, 1953. Т. 1: 60, 71, 73].

Из всех писателей и поэтов Белинский безоговорочно хвалил только А. С. Грибоедова, который, по словам критика, «заклеймил» изображенные в «Горе от ума» лица «мстительною рукою палача-художника» [Белинский, 1953. Т. 1: 81]. Таким же «страшным и мстительным художником» Белинский назвал князя В. Ф. Одоевского: «Как глубоко <...> измерил он неизмеримую пустоту и ничтожество того класса людей, который преследует с таким ожесточением...» [Белинский, 1953. Т. 1: 97].

Особо критик сетовал по поводу недостаточного, по его мнению, уважения общества к «просветителю» Новикову (подвергшемуся, как известно, одновременно с Радищевым, преследованию Екатерины II) — «которого вся жизнь, вся деятельность была направлена к общей пользе»: «Кому не известно, хотя по наслышке, имя Новикова? Как жаль, что мы так мало имеем сведений об этом необыкновенном и, смею сказать, великом человеке!» [Белинский, 1953. Т. 1: 53].

Подводя итог, Белинский заявлял: «...Нам нужна не литература, которая без всяких с нашей стороны усилий явится в свое время, а просвещение! И это просвещение не закоснит...» [Белинский, 1953. Т. 1: 102].

Далее в статье Белинского «Литературные мечтания» следует фраза, которую, по мнению позднейших комментаторов, принадлежит не ему самому, а, возможно, Н. И. Надеждину [Белинский, 1953. Т. 1: 526] — «редактору-издателю» «Молвы», где была напечатана статья критика: «Да! у нас скоро будет *свое* русское, народное просвещение; мы скоро докажем, что не имеем нужды в чуждой умственной опеке. Нам легко это сделать, когда знаменитые сановники, сподвижники

такой постановки вопроса, в приложении мысли о народности поэзии Пушкина к «текущему моменту», к провозглашенным Уваровом началам Православия, Самодержавия, Народности.

царя <...>, являются <...> возвещать <...> священную волю Монарха, указывать путь к просвещению в духе *Православия, Самодержавия и Народности...*» [Белинский, 1953. Т. 1: 102].

Кому принадлежит эта подцензурная фраза, Надеждину или Белинскому, в конце концов не столь важно. Недосказанное, по цензурным соображениям, в «Литературных мечтаниях» Белинский вполне изложил позднее в других статьях, где недвусмысленно выразил свое подлинное отношение началам, провозглашенным Уваровым, — «министром погашения и помрачения просвещения в России», как характеризовал Уварова Белинский в своих частных письмах [Белинский, 1956. Т. 12: 103].

В 1835 г. в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя (“Арабески” и “Миргород”)» Белинский заявлял: «Литература наша, началась веком *схоластицизма*, потому что направление ее великого основателя <Ломоносова> было не столько художественное, сколько ученое, которое отразилось и на его поэзии, вследствие, его ложных понятий об искусстве. <...> Сам Державин заплатил, к несчастью, слишком большую дань этому направлению, чрез что много повредил и своей самобытности и своему успеху в потомстве. <...> Потом только и слышно было, как наши лирики, *упиваясь одонием*, по выражению одного из них, в своих громогласных одах, взапуски заставляли *плясать реки и скакать холмы...* Это было главное, характеристическое направление» [Белинский, 1953. Т. 2: 259].

Позднее, год от года становясь все безапелляционнее в своих суждениях, Белинский заявлял о Державине: «...Возьмите его торжественные оды: что это такое? <...> ...Кто станет теперь читать эти торжественные оды?»¹; «...*Народного* Державина теперь никто не читает... <...> И что мирового сказал Державин?»²; «Ломоносов не нужен публике; она не читает не только его, но даже и Державина...»³; «...Что <...> мы видим в этом периоде русской литературы? — Пустое и бесплодное подра-

¹ Белинский В. Г. Ничто о ничем, или Отчет г. издателю «Телескопа» за последнее полугодие (1835) русской литературы [Белинский, 1953. Т. 2: 9].

² Белинский В. Г. Очерки русской литературы. Сочинение Николая Полевого. 1839. Санкт-Петербург [Белинский, 1953. Т. 3: 504].

³ Белинский В. Г. Собрание сочинений М. В. Ломоносова. С.-Петербург. В тип. Императорской Российской Академии. 1840 [Белинский, 1954. Т. 4: 378].

жание, схоластическое, враждебное обществу и жизни направление и случайные проблески дарований — не больше. Видим словесность, но не видим литературы»¹; «...Державин поздно ощутил свою силу, а ощутив, обнаружил ее в исполинских и бесплодных проявлениях... <...> ...Это только имя — не больше; поэт, а не поэзия... <...> ...Поэзия Державина <...> чужда всякого содержания»²; «...Державин <...> мертв для современного общества...»³; «...Державин всего менее заботился о стихе, а так как начал писать очень поздно, то и не мог овладеть ни языком, ни стихом... <...> Державин был певцом царствующего дома в России, <...> он принадлежал к другому веку... <...> ...Общество не нуждалось в стихах Державина и не понимало их... <...> ...В отношении к лести нельзя строго судить Державина: он жил в такие торжественные и хвалебные времена, когда *петь* и *льстить* значило одно и то же...»⁴; «На него обратила внимание Императрица... <...> Этого было достаточно, чтобы всё и все признали стихи Державина за гениальнейшее произведение... <...> ...Тогдашнее общество только убивало в нем талант и мешало ему развиваться»⁵; и т. д., и т. п. — Отдельные положительные суждения Белинского о Державине, две-три сомнительного рода похвалы в адрес поэта (см.: [Курилов: 84–86]), безусловно, отнюдь не выкупают общей массы негативных отзывов критика о державинском (и ломоносовском) наследии.

Гоголь характеризовал многочисленные выступления Белинского против Державина как свидетельство недостойного критика «неуважения к Державину». Когда эти гоголевские слова дошли до Белинского, то последний в письме к В. П. Боткину от 31 марта 1842 г. не без раздражения защищался: «Неуважение к Державину возмутило мою душу чувством болезненного отвращения к Гоголю...» [Белинский, 1956. Т. 12: 90].

¹ Белинский В. Г. Русская литература в 1840 году [Белинский, 1954. Т. 4: 416].

² Белинский В. Г. Русская литература в 1841 году [Белинский, 1954. Т. 5: 528, 530].

³ Белинский В. Г. Речь о критике [Белинский, 1955. Т. 6: 291].

⁴ Белинский В. Г. Сочинения Державина. Четыре части. Санкт-Петербург. 1843 [Белинский, 1955. Т. 6: 610, 650–652].

⁵ Белинский В. Г. Сочинения Державина. Биография писана Н. А. Полевым. Издание Д. П. Штукина. Санкт-Петербург. В тип. Константина Жернакова. 1845 [Белинский, 1955. Т. 9: 296].

В 1835 г. в статье, посвященной гоголевским «Арабескам» и «Миргороду», Белинский вступил в спор и с Гоголем, резко критически отозвавшись о его статьях, помещенных в первом сборнике. В основе неприятия Белинским «ученых статей» Гоголя тоже лежали идеологические причины. С первых своих статей Белинский вступил в литературу как убежденный западник, апологет петровских преобразований, откровенно сочувствующий протестантизму. В 1836 г. он, в частности, сравнивая «Северную думу» — протестантизм — с католицизмом и Православием, без обиняков называл ее «истинным знанием» [Белинский, 1976. Т. 1: 322] (в печать это признание не попало и было опубликовано впервые только в 1969 г.). В «Литературных мечтаниях» критик замечал о русском народе: «Крепко стоял он за Церковь Божию, за веру праотцев <...> Но <...> это была жизнь <...> односторонняя <...> Петр был совершенно прав...» [Белинский, 1953. Т. 1: 37, 39]; «...Русская жизнь до Петра Великого была слишком <...> односторонна...» [Белинский, 1953. Т. 1: 93]. В статье «О стихотворениях г. Баратынского» (1835) Белинский добавлял: «...Народ довольствовался скудной житейскою философиею, лениво наследованною им от праотцев <...> был чужд всякого движения вперед, всякого стремления к совершенствованию...» [Белинский, 1953. Т. 1: 321]. Подобное отношение к русской национальной культуре и ее сокровищнице — Православию, где духовное и нравственное совершенствование человека полагается целью всей его жизни, не было неожиданностью для Белинского. Все это он высказывал и ранее, и с еще большей безапелляционностью, вполне предвосхищая обороты и интонации будущего Хлестакова. В 1830 г. он писал матери: «Маменька, Вы уже в другом письме увещеваете меня ходить по церквам... <...> Шататься мне по оним некогда, ибо чрезвычайно много других, гораздо важнейших дел... <...> Я пошел по такому отделению, которое требует, чтобы иметь познание и толк во всех изящных искусствах. И потому я прошу Вас уволить меня от нравочений такого рода: уверяю Вас, что они будут бесполезны» [Белинский, 1956. Т. 11: 35].

В своем западничестве Белинский выступал лишь против «слепой подражательности» и ратовал за создание «нашими руками» и «на родной почве» национального «просвещения», в основе которого лежала бы, однако, идея европейского прогресса (см.: [Белинский, 1953. Т. 1: 38, 43–44, 53–55, 101–102]). Истолковав повести Гоголя в «Арабесках»

и «Миргороде» как проявление этого национального «просвещения» (приведшего от «гимна», «поэмы» и «молитвы» «младенчествующего человека» к современным — якобы заменившим их — «повести и роману» [Белинский, 1953. Т. 1: 262–268, 271–272, 284]), другими словами, найдя в гоголевских произведениях, по замечанию Я. М. Неверова, «свою любимую реальную поэзию» [Неверов: 433] (в противовес «идеальной» — древнего источника «религии и нравственности» [Белинский, 1953. Т. 1: 265]), Белинский столкнулся с открыто выраженным иным отношением к идее прогресса в гоголевских статьях.

Таким образом, Белинский, не одобрявший русскую литературу XVIII в. за «гимны» и оды царям, определенно «в пику» начинаниям министра, вразрез с «официальным» пониманием народности, представленным именами Плетнева, Пушкина, Уварова, Шевырева, Бутырского, Межевича (см.: [Межевич]), Гоголя и др., объявил в 1834 г. русскую литературу не существующей¹. Подразумевал под этим критик, конечно, не саму словесность — к тому времени уже довольно богатую, — а то, что в ней не было еще той пропагандистской литературы, отрицающей традиционные ценности, «отцом» которой — главой «натуральной школы» — сам критик стал несколько лет спустя.

По утверждению С. М. Бонди, Пушкин «бросил» свою сопоставительную статью о русской и французской литературах после того, как в конце 1834 — начале 1835 г. прочел в «Молве» статью Белинского «Литературные мечтания». Такое утверждение исследователя зиждется на очевидном недоразумении. То, что статьи Пушкина и Белинского посвящены одной теме — мнимой или действительной «ничтожности» русской литературы, несомненно. Но на этом сходство заканчивается. То, на чем настаивает либерал Белинский — «у нас нет литературы» [Белинский, 1953. Т. 1: 22–23], решительно отрицает «аристократ» и консерватор Пушкин — продолжая свой давний спор с Бестужевым и Кюхельбекером. Поэтому говорить о том, что статья Белинского якобы «совпадает» по своему замыслу с статьей Пушкина, значит впадать в грубую ошибку. Отдавая дань своему времени, С. М. Бонди писал: «Прочтя эту статью Белинского, столь совпадающую по основной установке и даже по общему замыслу с начатой им статьей “О ничтожестве

¹ О современном значении полемики насчет мнимой «ничтожности» русской литературы см.: [Захаров].

литературы русской», Пушкин конечно должен был отказаться от своего замысла» [Бонди: 441]. — Ошибочное решение исследователя насчет названия неозаглавленной пушкинской статьи о мнимой бедности отечественной словесности привело ученого к столь же превратным представлениям о характере пушкинского замысла.

На самом деле свою статью <Мнения о ничтожестве литературы русской> Пушкин после выхода в свет «Литературных мечтаний» Белинского отнюдь не «бросил», а, вопреки предположению С. М. Бонди, напротив, стал писать соответствующую критику на «мечтания» начинающего критика — продолжая тем самым многолетний спор с радикалами. Так, Белинский, заявляя, что «у нас нет литературы», задевал в своей статье, кроме Ломоносова, Державина и др., еще одного русского поэта XVIII в. — князя А. Д. Кантемира: «Он был иностранец <...>, не мог сочувствовать народу... <...>Что он был не поэт, этому доказательством служит то, что он забыт» [Белинский, 1953. Т. 1: 41]. Сохранилось два пушкинских отрывка, представляющие собой прямое возражение на это мнение Белинского (см.: [Пушкин, 1949. Т. 11: 495], [Благой: 248]). Ф. Я. Прийма, излагая в 1977 г. суть возражений поэта, писал: «Если для одержимого юношеским рвением критика сатиры Кантемира были литературными экзерсисами не понимающего запросов русской жизни иностранца, то Пушкин видел в них выражение тех требований национальной действительности, которые сохраняли свою общественную важность на всем протяжении XVIII века» [Прийма: 31]. Кроме самого содержания двух пушкинских отрывков — не без оснований помещаемых в собраниях сочинений поэта среди набросков статьи <Мнения о ничтожестве литературы русской> [Пушкин, 1949. Т. 11: 494–496], — на их полемическую связь с «Литературными мечтаниями» Белинского указывают и хронологические данные рукописи. Как отметил Д. Д. Благой [Благой: 248], написаны эти заметки на обороте письма к Пушкину М. П. Бутурлина от 23 мая 1835 г. [Пушкин, 1949. Т. 16: 27], т. е. спустя пять месяцев после выхода в свет статьи Белинского.

Пытаясь как-то аргументировать свое сомнительное заявление о будто бы «совпадении» взглядов Пушкина и Белинского по вопросу о «ничтожестве» русской литературы, С. М. Бонди сделал еще одно «наблюдение», «научность» которого тоже является мнимой. Исследователь утверждал: «Белинского же, как мы теперь знаем, он

<Пушкин> последние годы ценил очень высоко, вел с ним переговоры о работе его в “Современнике” и дал в “Письме к издателю” (за подписью А. Б.) крайне сочувственный (хотя и с оговоркой) отзыв от деятельности молодого критика» [Бонди: 441].

Вся эта фраза представляет собой очевидную дань радикальной эпохе. Известно, что, ведя «переговоры» об участии либерала Белинского в «Современнике», Пушкин приглашал его в журнал, «в качестве рецензента», «только с условием — подчинять свои личные воззрения в статьях тем мнениям, какие скажет ему сам Пушкин» [Виноградов, 2017. Т. 2: 535] (это в итоге и завело переговоры в тупик). Собственную критическую деятельность Белинского консервативно настроенный Пушкин оценивал тогда отнюдь не «крайне сочувственно», а напротив, довольно сдержанно. В «Письме к издателю», напечатанном в 1836 г. в третьем томе «Современника», Пушкин замечал о Белинском: «Он обличает талант, подающий большую надежду. Если бы с независимостью мнений и остроумием своим соединял он более учености, более начитанности, более уважения к преданию, более осмотрительности, — словом, более зрелости, то мы бы имели в нем критика весьма замечательного» [Пушкин, 1836: 327–328]. Точно такую же, в свою очередь смягченную соображениями публичности, оценку деятельности молодого Белинского давал в черновых набросках статьи «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году» и Гоголь — единомышленник и «сорработник» Пушкина по «Современнику». (Гоголевская и пушкинская характеристики Белинского настолько схожи, что исследователи высказывали даже мнение, что Пушкин «воспользовался» оценкой Гоголя [Долдобанов, Сидоров: 467].) «Вкус» Белинского Гоголь в своей статье называл «молодым и опрометчивым» — и лишь обещающим «будущее развитие» [Гоголь, 1952. Т. 8: 532–533]. Характеризуя Белинского, Гоголь противопоставлял ему, в той же статье, журнальные статьи всегдашнего оппонента «опрометчивого» критика, тоже москвича, близкого друга Пушкина, С. П. Шевырева: «В них виден везде мыслящий человек...» [Гоголь, 1952. Т. 8: 533]; «Справедливость требует упомянуть о критиках Шевырева, как об утешительном исключении» [Гоголь, 1952. Т. 8: 175]. В сентябре 1836 г. Пушкин вступил в новый спор с Белинским, на этот раз по поводу книги С. Пеллико «Об обязанностях человека» (см.: [Прийма: 42–43], [Долдобанов, Сидоров: 852–854]).

Очевидно, что именно в ответ юным либералам, последователям «волканической» французской словесности (выражение князя П. А. Вяземского; см.: [Гиллельсон, 1966: 128]), Пушкин и задумывал и писал на протяжении более десятка лет свою статью в защиту русской литературы. В незавершенной статье о мнимом «ничтожестве» русской литературы Пушкин так же, как в статьях о Радищеве, вступил в принципиальный спор с своими радикально настроенными современниками. И спор этот был не литературный, а политический, общественный. Даже С. М. Бонди в 1934 г. вынужден был констатировать, что с мнением критиков Бестужева и Кюхельбекера поэт «в большинстве вопросов <...> не соглашался» [Бонди: 423].

IV

Мысль о «самопожирании» зла, воплощенная Данте, Пушкиным и Гоголем в их произведениях, полемика Пушкина и Гоголя с Радищевым по поводу оправдания «тираноубийц», а также спор в защиту Ломоносова и Державина, по поводу кажущейся радикалам «ничтожности» русской литературы, находят дальнейшее развитие в гоголевском творчестве в последовательной апологии монархического правления перед мятежной, исповедующей «законность» цареубийства идеологией.

В оде «Вольность» Радищев с свойственной ему категоричностью утверждал, что реализация творческих способностей человека при самодержавном правлении невозможна — в любых сферах, что под царской властью «плодов златых не возрастет» — «великость там не прозябет» [Радищев: 4]. По мнению Радищева, при монархической власти «всё ума претит стремленью»: «Там нивы запустеют тучны, <...> В сохе уснет ленивый вол, / Блестящий меч померкнет славы, / Минервин храм стал обветшалый...» [Радищев: 4].

Напротив, Гоголь, — судя по всему, непосредственно возражая, вслед за Пушкиным, Радищеву, — не один раз в своих письмах и произведениях подчеркивал, что расцвет талантов достойным образом обеспечивает именно единое государственное правление. Одним из главных аргументов в споре с Радищевым для Гоголя опять-таки стало, как и в вопросе о «тираноборцах», наследие Данте, а именно судьба средневекового поэта в республиканской Италии.

В 1834 г. Гоголь сделал из книги английского историка Г. Галлама «Взгляд на состояние Европы в Средние века» следующую выписку: «В одной из революций, произведенных <...> разветвлением заговоров, Флоренция изгнала из стен своих Данта Алигиери... <...> При начале республик ломбардских их ссоры <...> были ограничиваемы посредничеством императора, и потеря этого влияния <...> была одна из причин, доведших Италию до такого состояния...» [Гоголь, 2009. Т. 8: 260].

Этой выпиской Гоголь прямо воспользовался в 1842 г. при создании второй редакции повести «Портрет». Здесь в уста Императрицы Екатерины II он вложил (памятуя о защите Пушкиным русской словесности XVIII века) рассуждение о том, что «не под монархическим правлением <...> презираются и преследуются творенья ума, поэзии и художеств; что, напротив, одни монархи бывали их покровителями; что Шекспиры, Мольеры процветали под их великодушной защитой, между тем как Дант не мог найти угла в своей республиканской родине; что истинные гении возникают во время блеска и могущества государей и государств, а не во время безобразных политических явлений и терроризмов республиканских, которые доселе не подарили миру ни одного поэта...» [Гоголь, 2009. Т. 3–4: 104].

В 1837 г. Гоголь писал самому Императору Николаю I: «Участь поэтов печальна на земле: им нет пристанища, им не прощают бедную крупицу таланта, их гонят, — но Венценосные Властители становились их великодушными Заступниками» [Гоголь, 2009. Т. 11: 106]. — Добавим, что одновременно в гоголевских воззрениях складывался образ идеального монарха-педагога, чуткого наставника, с любовью замечающего и поддерживающего духовное и профессиональное возрастание его подопечных¹. Это, в свою очередь, было следствием тех личных наблюдений Гоголя, которые он делал, следя в 1830-х гг. за взаимоотношениями Пушкина и власти, за проявлениями монархических убеждений поэта. Кроме того, уже с первых шагов в литературе, начиная с «Ганца Кюхельгартена», Гоголь вступил в тогдашнюю полемику о так называемом «лишнем человеке». (Сам этот термин появился позднее. Гоголь называл подобный тип «огорченным человеком».) Проблему послед-

¹ Виноградов И. А. Образ монарха-наставника в творчестве Н. В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 2. С. 7–30.

него автор «Тараса Бульбы» видел не в «среде» (как на этом настаивала радикальная критика), а в нежелании самого «лишнего человека» возрастать в назначенном ему Богом и Отечеством служении [Виноградов, 2018].

Итоговую оценку роли самодержавной власти в воспитании талантов в эпоху Екатерины II Гоголь сформулировал в статье о русской поэзии «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «В эпоху Екатерины, царствование которой можно назвать блестящей выставкой первых русских произведений, <...> на всех поприщах стали выказываться русские таланты, — с битвами вознеслись полководцы, с учрежденьями внутренними государственные дельцы, с переговорами дипломаты, с академиями словесники и ученые...» [Гоголь, 2009. Т. 6: 158–159].

Вопреки радикальным заявлениям Радищева о пагубности монархического правления, Гоголь, при неизменной критике «тиранов», тем не менее столь же постоянно подчеркивал созидательную роль единодержавия в жизни народа. Кроме уже указанных произведений Гоголя, об этом свидетельствует содержание еще нескольких его статей, написанных в знаменательном 1834 г.

В статье «О Средних веках» Гоголь замечал: «Главный сюжет Средней истории есть — папа. <...> Не стану говорить о злоупотреблении и о тяжести оков духовного деспота. Проникнув более в это великое событие, увидим изумительную мудрость Провидения... <...> ...Власть папам <...> дана была для того, чтобы в продолжение этого времени юные государства окрепли и возмужали <...> чтобы сообщить им энергию, без которой жизнь народов бесцветна и бессильна» [Гоголь, 2009. Т. 7: 179].

Говоря о завершении Средних веков — характеризовавшихся объединительными, но недостаточными усилиями папы («...еще государь звучит одним именем своим, и вместо того миллионы владельцев, из которых каждый — маленький император...» [Гоголь, 2009. Т. 7: 183]), Гоголь в статье «О преподавании всеобщей истории» продолжал: «Духовная власть пала. Государи становятся сильнее. <...> Государства, народы сливаются плотнее в нераздельные массы. Нет того разъединения власти, как в средние века. Она сосредоточивается более в одном лице. И как оттого сильные характеры становятся виднее, круг государей, министров, полководцев обширнее!» [Гоголь, 2009. Т. 6: 280].

О том же Гоголь писал и в статье «Несколько слов о Пушкине» 1834 г., где подводил итог своих размышлений над отечественной исто-

рией: «Русская история, только со времени последнего ее направления при императорах приобретает яркую живость; до того характер народа большею частию был бесцветен...» [Гоголь, 2009. Т. 7: 276].

В еще одной из статей, написанных в 1834 г., «Взгляд на составление Малороссии», Гоголь писал: «Какое ужасно-ничтожное время представляет для России XIII век! Сотни мелких государств, единоверных, одноплеменных, одноязычных... <...> — эти мелкие государства так были между собою разъединены, как редко случается с разнохарактерными народами. <...> ...Это был хаос браней за временное, за минутное — браней разрушительных, потому что они мало-помалу извели народный характер, едва начинавший принимать отличительную физиогномию при сильных норманских князьях» [Гоголь, 2009. Т. 7: 160].

Ни пушкинские, ни гоголевские взгляды никогда не имели ничего общего с обличением Радищевым в его стихах «тусклого», якобы «гнетущего» Россию «трона» [Радищев: 3]. По целому ряду фактов, по содержанию самой пушкинской *юношеской* оды «Вольность», а также по глубокому убеждению Гоголя, сугубый «аристократ» Пушкин — чей предок «бранный / Святому Невскому служил» («Моя родословная» [Пушкин, 1948. Т. 3. Кн. 1: 262; Пушкин, 1949. Т. 3. Кн. 2: 873]), даже в первоначальный, «разгульный» период его жизни — результатом которого стала южная ссылка — отнюдь не был вольнодумцем. Согласно гоголевскому объяснению, так называемое юношеское «вольнодумство» Пушкина проистекало вовсе не из политического вольномыслия, но было законной, справедливой оппозицией юности перед косной, мертвящей старостью. Гоголь рассуждал о противостоянии чистой — и в этом смысле «консервативной» — полной сил молодости перед действительно «вольнодумным», либерально-масонским, зараженным с XVIII в. фривольными привычками и умствованиями «старым» обществом [Гоголь, 2009. Т. 7: 709–712]. Даже В. Г. Белинский, характеризуя в 1834 г. в «Литературных мечтаниях» «пушкинский период нашей словесности», замечал: «Лицемерный, развратный, приторный осьмнадцатый век испустил свое последнее дыхание, и с девятнадцатым столетием ум и вкус возродились для новой, лучшей жизни» [Белинский, 1953. Т. 1: 66].

Вообще говоря, размышления о «тиранах» были общим местом в представлениях современников Пушкина и Гоголя. Ничего исключительного, говорящего о «революционном» духе писателей в этом

не заключалось; ничего предосудительного в частых упоминаниях о «тиранах» власть не усматривала. Девиз Молчалиных «не сметь свое суждение иметь» не входил в число принципов внутренней политики русского государства — как ни пытались доказать это позднейшие критики самодержавного правления. (Напротив, — в полной мере этот принцип стал решающим для той модели государства, которое в итоге построили радикальные идеологи.)

Даже в таком важном месте формирования общественного мнения как театр, дежурные «театральные тираны» французских «бесцветных пьес» [Гоголь, 2009. Т. 7: 509, 520] не воспринимались как пропагандистские акции против существующей власти: такие пьесы свободно ставились на *Императорском* театре. Цензура не видела в этих «предостерегающих» образах ничего опасного и общих рассуждений на этот счет не преследовала¹. Неудивительно, что размышления о «тиранах» были в достаточной мере свойственны и Пушкину, и Гоголю.

Так, Гоголь в университетских лекциях, читанных им в Петербурге в первой половине 1830-х гг. в Патриотическом институте и Императорском университете, отмечал, к примеру, в древней истории тех из римских императоров, которые, будучи «тиранами», «недостойны были престола» [Гоголь, 2009. Т. 8: 90]. Размышляя о древней Мидии, он упоминал, как «под правлением собственной тирании» эта страна терпела «неустройство» — от которого, впрочем, избавилась избранием достойного царя — проявившего себя «справедливыми решениями и советами» [Гоголь, 2009. Т. 8: 122]. — Эту же мысль, кстати, ранее воплотил Пушкин в своих «Стансах» (1826): «В надежде славы и добра / Гляжу вперед я без боязни: / Начало славных дней Петра / Мрачили мятежи и казни. / Но правдой он привлек сердца...» [Пушкин, 1948. Т. 3. Кн. 1: 40].

Гоголь указывал также на «тиранство, ужасную нравственную болезнь властителя», короля вандалов Гензериха [Гоголь, 2009. Т. 7: 343]. Переходя к средним векам, он говорил о «жестоких и ненавистных» испанских монархах, «мстивших клятвопреступ<никам> и преду-

¹ Безусловно, были и исключения, в частности, для Москвы. Так, В. П. Андросов 23 сентября 1836 г. жаловался А. А. Краевскому: «...У Вас, в Петербурге, все-таки больше средств и возможности вести журнальное дело, нежели у нас, где цензура не позволяет даже напечатать, что *наша Египетский действует деспотически*» [Долдобанов, Сидоров: 369].

преждавших <их> из боязни измены», в частности, упоминал об «ужасной тирании» короля Кастилии и Лиона Педро I — «Петра Жестокого» [Гоголь, 2009. Т. 8: 207]; размышлял об итальянских городах, которые «несмотря на демократию свою, злоупотребляли и тиранствовали над соседями», об «учреждении мелких тираний на развалинах прав республиканских» этих городов [Гоголь, 2009. Т. 8: 247, 260]. В новой истории Гоголь обращал внимание на «странного и мудрого тирана Людовика XI» (основателя абсолютной монархии во Франции) [Гоголь, 2009. Т. 8: 136] и пр.

Все эти исторические обличительные экскурсы Гоголя в адрес «тиранов» и «тиранства», однако, не мешали писателю оставаться убежденным монархистом. Критические высказывания по поводу недостатков того или иного правления не приводили его в ряды противников трона — куда так настойчиво зачисляли и Гоголя, и Пушкина противники русской государственности. В этом отношении радикальные публицисты наблюдали за русскими писателями бдительней самой цензуры.

Однако все попытки противопоставить Пушкина царю в итоге оказывались тщетными. Даже критикуя «тиранов», Гоголь и Пушкин хорошо представляли последствия, к каким могло привести для государства возвышение оппозиционной боярской аристократии — «споры великокняжества с уделами, единовластия с вольностями городов, самодержавия с боярством», — по словам Пушкина [Пушкин, 1949. Т. 11: 268].

Гоголь, помимо многочисленных примеров из истории удельной Руси, кроме примера из истории Ивана Грозного — «притеснявшего и казнившего», ради единства страны, высокородных бояр [Гоголь, 2009. Т. 6: 47], пагубность местной аристократии отмечал также в истории Италии VI в. — вскоре после утраты ею бывшего римского единства. В одной из университетских лекций 1834 г. Гоголь писал: «...В землях ломбардских произошла аристократическая анархия: 30 герцогов, обративших свое достоинство в наследственное, тиранствовали каждый в своей провинции, <...> установили в больших городах, на место римских префектов, ломбардских графов, <...> и в 10 лет такого правления опустошили города...» [Гоголь, 2009. Т. 8: 197]. «...Наконец, — заключал Гоголь, — наскучив ничтожностью своей беспорядочной аристократии, <они> избрали короля...» [Гоголь, 2009. Т. 8: 183].

В этом же ряду следует упомянуть понимание С. П. Шевыревым «монархического», консервативного — и в то же время всеобъемлюще-

го, «энциклопедического» наследия Данте как явления глубоко *народного*, и по содержанию, и по языку. Это понимание Шевырев изложил в уже упомянутой его обширной диссертации «Дант и его век», публикация которой в московском университетском журнале была завершена в 1834 г. В соответствии с официально провозглашенным тогда представлением о Народности литературы Шевырев, завершая свой труд, называл Данте главным выразителем народной жизни его века — «апофеозом народа» [Шевырев: 391].

Таким образом, Гоголь, вслед за Пушкиным, возражал и Радищеву, заявлявшему о пагубности монархического правления для развития талантов, и Белинскому, который, как отмечалось, тоже писал о том, что «тогдашнее общество только убивало» талант в Державине «и мешало ему развиваться» [Белинский, 1955. Т. 9: 296]. Разделяя монархические убеждения поэта, Гоголь, вопреки мнениям радикалов, указывал на плодотворное сотрудничество писателя и власти.

V

Еще больше консервативного «аристократизма» явил Пушкин в своем поведении и творчестве в 1830-х гг. Помимо обстоятельств личного характера, упрочению «охранительных» взглядов поэта определенно способствовало польское восстание 1830–1831 гг. (см.: [Беляев]; [Ивинский]), а также тот знаменательный поворот, который совершился во внутривнутриполитической жизни страны в последующие годы.

Начинания нового министра народного просвещения Уварова на рубеже 1833–1834 гг., провозглашение отечественной литературы в качестве главной основы Народности являло собой, по сути, прямое предложение к литераторам о сотрудничестве — и оказалось глубоко созвучным современникам, в том числе Пушкину и Гоголю. Этот поворот государственной политики — от недавней космополитической деятельности на ниве просвещения министров А. Н. Голицына и К. А. Ливена, от русского вольтерьянства XVIII в. — органично «совпал» с собственными, внутренними устремлениями Гоголя как писателя, который вступил с конца 1833 г. с Уваровым в открытое сотрудничество, заняв в 1834 г. кафедру истории Петербургского университета и опубликовав в только что основанном министром журнале

четыре статьи. Эти статьи — «План преподавания всеобщей истории», «Отрывок из Истории Малороссии», «О малороссийских песнях», «О Средних веках» — стали основой написанного тогда же «Тараса Бульбы» [Виноградов, 2009: 428].

Проводимый министром правительственный курс существенным образом сказался как в жизни всего русского общества, так и в судьбе его отдельных членов. Вступая в новый, 1834 г., Гоголь писал: «Таинственный, неизъяснимый 1834! Где означу я тебя великими трудами? <...> Я совершу... Я совершу! Жизнь кипит во мне. Труды мои будут вдохновенны» [Гоголь, 2009. Т. 7: 155–156].

По-видимому, лирическое воззвание Гоголя и следовавшие вскоре его интенсивные размышления о позитивной роли власти для народной жизни, изложенные в статьях 1834 г., были прямо связаны с инициативами Уварова.

В стороне от провозглашенного нового курса не остался и Пушкин. Само назначение Гоголя в 1834 г. адъюнкт-профессором Императорского университета произошло не без участия Пушкина. Если в 1831 г. свое первое место в качестве преподавателя истории — в Патриотическом институте — Гоголь получил благодаря ходатайству перед императрицей Александрой Феодоровной друга Пушкина, Плетнева, то теперь о поступлении в университет ходатайствовал за Гоголя перед Уваровым сам поэт.

В то время Пушкин находился еще в близких, почти дружеских отношениях с Уваровым. Для Гоголя, в частности, безусловно значимым было совместное посещение 27 сентября 1832 г. Уваровым и Пушкиным Московского университета¹. (Уваров приезжал тогда в Москву в целях обозрения Московского учебного округа.) Годом раньше — в то время, когда Пушкин написал свой известный отзыв о «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголя, — Уваров перевел на французский язык стихотворение поэта «Клеветникам России» (1831)². В последующие годы, вплоть до начала 1835-го, Пушкин также не прерывал общения

¹ См. письмо А. С. Пушкина к жене от 28–30 сентября 1832 г. [Пушкин, 1948. Т. 15: 33], воспоминания В. С. Межевича 1842 г. [Богаевская: 401], И. А. Гончарова 1887 г. [Гончаров: 253], свидетельство П. И. Бартенева 1863 г. [Бартенева: 304].

² См. письмо С. С. Уварова к А. С. Пушкину от 8 октября 1831 г. и ответ Пушкина от 21 октября того же года: [Пушкин, 1941. Т. 14: 232–233, 236].

с Уваровым. В дневнике поэта, в частности, сохранилась запись от 10 апреля 1834 г.: «Вчера вечер у Уварова — живые картины» [Пушкин, 1949. Т. 12: 325].

Само представление о народности русской литературы, провозглашенное в 1834 г. Уваровым, вынашивалось в пушкинских кругах. Предваряя уваровские начинания, в окружении Пушкина складывался взгляд на писателя как возможного сотрудника Государя в решении общенациональных задач.

В июле 1831 г. сам Пушкин в черновике письма к А. Х. Бенкендорфу писал: «Если Государю Императору угодно будет употребить перо мое [для] политических статей, то постараюсь с точностию и с усердием исполнить волю Его Величества. <...> С радостью взялся бы я за редакцию *Политического и Литературного журнала*, т. е. такого, в коем печатались бы политические и заграничные новости — около которого соединил бы писателей с дарованиями и таким образом приблизил бы к правительству людей полезных, которые все еще дичатся, напрасно полагая его неприязненным к Просвещению» [Пушкин, 1941. Т. 14: 283–284].

В. А. Жуковский после запрещения в 1832 г. журнала И. В. Киреевского «Европеец» в письме к Бенкендорфу (лично прочитанном адресату) замечал: «Литература есть одна из главных потребностей народа, есть одно из сильнейших средств в руках правительства действовать на умы и на их образование. Правительство должно давать литературе жизнь и быть ей другом, дабы она с своей стороны с ним сдружилась и действовала благотворно в его смысле...» [Гиллельсон, 1965: 117–118]. В связи с этим Жуковский писал: «Хороший журнал литературный и политический есть для нас необходимость. <...> Журнал, издаваемый под моим влиянием, обратил бы общее внимание публики... <...> Таким образом, <...> литература получила бы направление более благородное и, будучи в одно время и голосом публики, и голосом правительства, сделалась бы необходимо деятельным способом теснейшего соединения между ими» [Гиллельсон, 1965: 118].

В числе литераторов, которых Жуковский предполагал привлечь к участию в своем журнале, были имена Пушкина, Гоголя, Одоевского, Вяземского, Шевырева, Киреевского, Боратынского, Хомякова, Языкова, Погодина, Крылова и др. [Гиллельсон, 1965: 118]. Многие из упомянутых Жуковским поэтов и писателей позднее сотрудничали в пушкинском «Современнике» [Гиллельсон, 1965: 119].

В конце марта — начале апреля 1833 г. князь П. А. Вяземский, подобно Жуковскому, призывая правительство основать журнал под его, Вяземского, «руководством», в свою очередь, писал: «Число русских читателей увеличивается со дня на день, пресса становится более деятельной... <...> Правительство должно со вниманием отнестись к этому явлению, оно должно овладеть этим умственным движением, дать ему здоровое направление. <...> Все талантливые люди присоединились бы к подобному предприятию... <...> Подобный журнал сразу же парализовал бы все фрондирующие и противоречащие элементы среди молодых литераторов, так как открытое правительством поприще для талантов удовлетворило бы честолюбие всех и дало бы возможность развивать способности на законном основании. <...> Верховная власть должна быть у нас во главе всякой деятельности и развития страны» [Гиллельсон, 1966: 127]. В другой записке Вяземский добавлял: «Мы видели, как Екатерина употребляла литературу орудием своих государственных видов. Журналы, издаваемые под ее наблюдением и в коих она сама участвовала, комедии, писанные ею или приближенными ее, содействовали правительственным мерам и служили часто, так сказать, предисловиями и пополнениями к ее именным повелениям. <...> В России более, нежели где-нибудь, правительство должно иметь литературу союзницею себе, но союзницею добровольною, бескорыстною, благородною. <...> Журнал политический, административный, литературный, образовательный по всем частям, входящим в состав истинной государственной образованности, был бы у нас важное и полезное явление. <...> Ныне русские поставлены между извержениями огнедышащих мнений иноплеменных, между волканическою литературою французскою и замерзлым прудом русской литературы. Нам нужно непременно иметь теплые ключи целительной, живой воды, для избежания невыгод, следующих за двумя крайностями» [Гиллельсон, 1966: 127–128].

Поскольку именно Пушкин ввел Гоголя в круг Уварова, то участие Гоголя в 1834 г. в уваровском журнале было для него столь же органичным, как и последовавшая затем работа в пушкинском журнале. И журнал Уварова, и журнал Пушкина были для писателя единым поприщем «службы царю и земле своей» (по словам Гоголя в статье «Занимающему важное место» [Гоголь, 2009. Т. 6: 147]). «Генеральная линия» развития Гоголя, заданная в школьные годы погодинско-ше-

выревским «Московским Вестником», глубоким изучением в гимназии славянской и мировой истории, нашла законное продолжение в гоголевских публикациях в «Журнале Министерства Народного Просвещения» — а затем получила естественное развитие в литературно-критической деятельности Гоголя в журнале «Современник».

Самому Пушкину также было присуще понимание общности задачи, стоявшей перед ним как издателем «Современника» и самим министерством. Еще в 1831 г., испрашивая у управляющего III Отделением М. Я. фон Фока разрешение на периодическое издание, Пушкин писал: «Могу сказать, что в последнее пятилетие царствования покойного Государя я имел на всё сословие литераторов гораздо более влияния, чем Министерство, несмотря на неизмеримое неравенство средств» [Пушкин, 1941. Т. 14: 280] (см. также: [Долдобанов: 110–111]).

VI

Вся эта почти «идеальная» картина поступательного, органичного развития русской журналистики и литературы в союзе с образовательными инициативами правительства разбивается, однако, одним ударом, который невольно нанес этому позитивному движению сам основатель «Современника» — Пушкин. Готовность пушкинского круга и самого поэта содействовать власти в деле общенационального строительства потерпела разительное крушение от одного необдуманного поступка — памфлета Пушкина против Уварова «На выздоровление Лукулла».

Так уж «совпало», сошлось во времени, что Высочайшее разрешение на издание журнала и пушкинский пасквиль на Уварова явились в Петербурге почти в один день. Стихотворение «На выздоровление Лукулла», где Пушкин выплеснул свое негодование против Уварова, было напечатано в конце декабря в сентябрьской книжке «Московского Наблюдателя» за 1835 г.; в Петербурге номер журнала появился около 15 января 1836 г. Тогда же, около 15 января 1836 г., Пушкин узнал о поступившем 14 января в канцелярию Уварова разрешении Государя на издание журнала «Современник».

В день около 15 января, собственно говоря, все и было решено. Только зарождающийся журнал у самых своих истоков был беспово-

ротным образом лишен широких перспектив развития. И сделал это, «своими руками», сам создатель журнала. В 1836 г. вышел первый номер «Современника», в котором активное участие принимал Гоголь, в продолжение 1836–1837 гг. вышли еще пять номеров, но судьба журнала — как важного общественного и политического издания — была предreshена еще до выхода первого номера.

Написав и отправив в начале декабря 1835 г. в «Московский Наблюдатель» оду «На выздоровление Лукулла», Пушкин 31 декабря 1835 г. обратился к Государю (через графа А. Х. Бенкендорфа) с прошением о новом издании [Пушкин, 1949. Т. 16: 69–70]. Но брошенный в Уварова памфлет еще до зарождения журнала стал препятствием к возрастанию «Современника» в издание, важное для всех слоев русского общества. Размолвка между поэтом и министром превратилась в серьезную преграду к становлению пушкинского журнала как русского периодического издания общенационального культурно-исторического, политического и государственного значения. А что такой потенциал у журнала был, сомневаться не приходится. Вокруг «Современника», благодаря Пушкину, намечалось объединение сил ведущих литераторов страны. Но попытка поднять просвещение России на новый уровень без союза с властью, без тесного сотрудничества министерством просвещения была во многом обречена.

Свой стратегический просчет как журналиста и писателя, свою досадную оплошность вскоре понял — и в полной мере осознал сам Пушкин. Отрезвлению, вероятно, способствовало почти единодушное осуждение поэта за его пасквиль на Уварова. В. А. Жуковский в черновике письма к графу А. Х. Бенкендорфу от февраля-марта 1837 г. замечал, что за публикацию Пушкиным памфлета «На выздоровление Лукулла», «все друзья его жестоко ему упрекали» [Щеголев, 1987: 213]. (Одобрение, как и следовало ожидать, явилось лишь со стороны «врагов Уварова» [Никитенко: 180]. Так, ликовал по поводу пушкинской сатиры либерал А-р И. Тургенев (см.: [Пушкин в неизданной переписке...: 120, 123]), сын уже упомянутого масона И. П. Тургенева, брат Андрея Тургенева, заявившего в 1801 г. о «несуществовании» русской литературы.) Усугубляло дело и то, что сатирическая ода «На выздоровление Лукулла» вызвала неудовольствие Государя, о чем сам Пушкин упоминал в письме к А. Жобару от 24 марта 1836 г.: «Ее опубликование навлекло на меня неудовольствие одного лица, мнением которого я дорожу и пренебречь ко-

торым не могу, не оказавшись неблагодарным и безрассудным» [Пушкин, 1949. Т. 16: 384]. (По жалобе Уварова Император 20 января 1836 г. поручил Бенкендорфу сделать Пушкину выговор, что тогда и было исполнено [Долдобанов, Сидоров: 378, 388–390].)

22 января 1836 г. А. М. Языков писал из Симбирска в Петербург В. Д. Комовскому (Комовский был библиотекарем Императорской Публичной библиотеки и правителем дел в Главном управлении цензуры, находившихся в ведомстве уваровского министерства): «Здесь толкуют о стихах Пушкина, напечатанных в “Наблюдателе”, и видят тут намеки на Уварова; стихи плохи... <...> Уваров все-таки лучше всех своих предшественников; он сделал и делает много хорошего и совсем не заслуживает, чтобы в него бросали из-за угла грязью. Впрочем это наш либерализм, наша свобода тиснения!» [Садовников: 540].

Причина непростых взаимоотношений, которые сложились к тому времени между Пушкиным и Уваровым, — и последовавший вскоре конфликт — объяснялись осложнившимися в 1835 г. для Пушкина обстоятельствами цензурного характера. Поэт, ходатайствовавший ранее, в 1834 г., перед министром за Гоголя, а еще ранее, в 1831 г., предполагавший, как указывалось, употребить свое перо «для политических статей» в духе правительства (см. выше), в 1835 г., вследствие того, что Уваров «подвергнул его сочинения общей цензуре» («Прежде его сочинения рассматривались в собственной канцелярии Государя...» [Никитенко: 179]), стал испытывать против министра все возрастающее раздражение.

В феврале 1835 г. Пушкин записал в дневнике: «Уваров большой подлец. Он кричит о моей книге <“История Пугачевского бунта”> как о возмутительном сочинении. Его клевет Дундуков (дурак и бардаш <бардаш — развратник>) преследует меня своим цензурным комитетом. Он не соглашается, чтоб я печатал свои сочинения с одного согласия Государя. Царь любит, да псарь не любит. Кстати об Уварове: это большой негодяй и шарлатан. Разврат его известен. Низость до того доходит, что он у детей Канкрин был на посылках... Он крал казенные дрова...» [Пушкин, 1949. Т. 12: 337].

Упомянув в своей дневниковой записи от февраля 1835 г. о «разврате» Уварова, Пушкин подразумевал известные сплетни о министре. Эти же сплетни он повторял и в письме к И. И. Дмитриеву от 26 апреля 1835 г., и в эпиграмме на упоминаемого поэтом в той же дневниковой

записи от февраля 1835 г. «клеветы» Уварова, князя М. А. Дондукова-Корсакова, — «В Академии наук заседает князь Дундук» (эпиграмма принадлежит Пушкину; датируется второй половиной апреля или маем-июнем 1835 г.; из-за этой эпиграммы, по преданию, в итоге и вспыхнул конфликт между Пушкиным и Уваровым [Долдобанов, Сидоров: 300–301]). Повод к указанным сплетням, вероятно, дал сам Уваров в написанном им еще в 1820 г. совместно с К. Н. Батюшковым рассуждении «О греческой Антологии». В этой статье, в частности, говорилось: «...Кто не подробно знаком с греками, тот, конечно, с удивлением заметит, что они посреди самых отвратительных заблуждений чувственности сохранили весь свой аттицизм, и, если смею сказать, всю свою *грацию*. Нельзя не думать без удивления, что постыдный порок — которому дали они свое имя — не только не внушал им слов грубых, но внушал самые нежные и красивые выражения» [Уваров, Батюшков: 104].

По свидетельству С. А. Соболевского, Пушкин «жалел об эпиграмме “В Академии наук”, когда лично узнал Дундука» [Соболевский: 14] (это произошло во время подготовки к изданию «Современника»). Точно так же сожалел сам Пушкин — уже в феврале-марте 1836 г. — и о своем стихотворном памфлете на Уварова «На выздоровление Лукулла». К этому времени он уже переменял свое отношение к министру и готов был признать неправоту своих резких против него выпадов. Об этом свидетельствует целый ряд писем Пушкина 1836 г., начиная с февраля: к князю Н. Г. Репнину-Волконскому от 11 февраля («Не могу не сознаться, что мнение Вашего сиятельства касательно сочинений, оскорбительных для чести частного лица, совершенно справедливо. Трудно их извинить, даже когда они написаны в минуту огорчения и слепой досады» [Пушкин, 1949. Т. 16: 84–85]); к А. Жобару, ожесточенному противнику Уварова, от 24 марта («...Вы <...> высказываете намерение напечатать ваш перевод <“На выздоровление Лукулла”> в Бельгии <...>: осмеливаюсь умолять вас <...> отнюдь этого не делать. Мне самому досадно, что я напечатал пьесу, написанную в минуту дурного расположения духа» [Пушкин, 1949. Т. 16: 384]) (в декабре Жобар был выслан из России¹); к князю Н. Б. Голицыну от 10 ноября (где Пушкин называет Уварова «высокопоставленным лицом из числа *моих друзей*»; подчеркнуто Пушкиным [Пушкин, 1949. Т. 16: 394]); к Н. М. Коншину от 21–22 декабря («С Уваровым — увы! я не в таких дружеских сношениях...» [Пушкин, 1949. Т. 16: 202]).

¹ См.: [Никольский]; [Долдобанов, Сидоров: 369].

31 августа 1836 г. А-р Н. Карамзин сообщал брату Андрею, что «накануне» Н. А. Муханов «видел Пушкина, которого он нашел ужасно упавшим духом, раскаивавшимся, что написал свой мстительный пасквиль, вздыхающим по потерянной фаворитке публики» [*Пушкин в письмах Карамзинных...*: 96] [*Долдобанов, Сидоров*: 811].

Лишение Пушкиным своего журнала важных перспектив развития непосредственным образом сказалось тогда в судьбе Гоголя. Уже с первого номера между Пушкиным и Гоголем возникли некоторые разногласия. Не вдаваясь в частности, обозначим главное. Объясняются эти разногласия прежде всего тем, что Гоголь с первых статей, которые он готовил для «Современника», приступил к осуществлению той программы сотрудничества с властью, которая складывалась в пушкинских кругах, с участием самого Пушкина. Со своей стороны Пушкин в 1836 г., напротив, настаивал на том, чтобы его «Современник» был исключительно «литературным» журналом.

В частности, одной из важных задач нового журнала Гоголь считал борьбу с зародившимся тогда в русской литературе так называемым «торговым направлением», во главе с О. И. Сенковским, Ф. В. Булгариным и Н. И. Гречем. Этой полемике посвящена гоголевская статья «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году», которая хотя и была очевидным воплощением того важного поручения, которое поэт дал Гоголю в 1834 г., — написать «Историю русской критики» [*Пушкин, 1949. Т. 12: 324*], однако по исполнению вызвала недовольство Пушкина.

Пушкин, безусловно, хорошо знал, что его неприятель Сенковский был в равной мере неприятелем и Уварова. Однако весной 1836 г., вследствие еще не вполне утихнувшего раздражения, Пушкин, по-видимому, не был расположен, подобно Гоголю, поддерживать министра в борьбе с либеральной партией. Впрочем, зная Уварова, поэт, по-видимому, сознавал, что после нанесенного министру оскорбления это было и невозможно. По словам Греча, Уваров возненавидел Пушкина за его сатиру [*Гоголь в воспоминаниях...* Т. 1: 768]. Возможно, поэтому Пушкин и собирался тогда, по свидетельству Гоголя, едва получив разрешение на журнал, «отказаться» от издания [*Гоголь, 2009. Т. 7: 205*], а поддавшись на уговоры Гоголя, настаивал на том, чтобы его «Современник», который не мог теперь рассчитывать на расположение министра, сохранил свои позиции хотя бы как журнал «литературный».

Но конфликт повлек за собой и другие последствия — в частности, он прямо повел к обострению пушкинской оппозиционности. Тогдашнее поведение Уварова, его жалоба на поэта самому Государю, вероятно, вызвала новое раздражение Пушкина. За несколько дней до выхода в свет первого тома «Современника» (11 апреля 1836 г.) поэт 3 апреля 1836 г. закончил для журнала статью «Александр Радищев», а в мае 1836 г., как указывалось, даже попытался привлечь к сотрудничеству в «Современнике», хотя на ограниченных правах, Белинского. В конце мая — начале июня 1836 г. приглашение участвовать в журнале, с первой книжкой «Современника», поэт отправил также своему лицейскому приятелю, ссыльному В. К. Кюхельбекеру (см.: [Тархова: 454]; [Долдобанов, Сидоров: 651]). Таким образом, по всей видимости, проявлялась «боярская», аристократическая оппозиция Пушкина на давление высокопоставленного чиновника. — В то же время не следует забывать того, что, занимая в отношении к правительственной бюрократии оппозиционный фланг, Пушкин в разгоревшемся конфликте с Уваровым отнюдь не менял своих консервативных убеждений.

Таким образом, несмотря на принципиальное совпадение взглядов Пушкина и Гоголя по общим вопросам, невзирая на то, что самым своим возникновением гоголевская статья «О движении журнальной литературы...» была во многом обязана Пушкину, она вышла у Гоголя, скорее, «уваровской», чем «пушкинской». — Кстати сказать, многозначительным было и поднесение Гоголем через Уварова Императору в марте 1835 г. — в самый разгар конфликта Пушкина с министром — только что вышедшего сборника «Миргород» [Неизданный Гоголь: 426–428]. В тот же период (немного ранее) Гоголь в одной из статей «Арабесок» — «Несколько слов о Пушкине» — выступил также в прямую защиту поэта от обвинений в «вольномудстве», подчеркивая, в соответствии с провозглашенным Уваровым курсом, *народность* поэзии Пушкина (см. выше).

О том, что недовольство Пушкина Гоголем как сотрудником «Современника» объяснялось главным образом соображениями литературной политики — а не заключалось в существе дела (Гоголь и Пушкин продолжали оставаться единомышленниками), косвенно могут свидетельствовать слова прямого пушкинского оппонента, Ф. В. Булгарина, в его появившейся в «Северной Пчеле» в июне 1836 г. статье о «Современнике». Имея в виду первый номер журнала,

Булгарин писал: «Обращаем главное внимание на статью: *О движении Журнальной Литературы* в 1834 и 1835 годах, ибо в этой статье выражаются дух, цель и все будущие намерения Современника. Этот дух, цель и намерения не *новость!* С ними выступали уже на поприще Литературы *Литературная Газета*, под редакцией покойного Барона Дельвига, и *Московский Вестник*, под редакцией Г<-на> Погодина. <...> В Литературной Газете и Московском Вестнике участвовали те же самые сотрудники, что и в Современнике, с малыми переменами» [Булгарин: 506].

Отметим, что пушкинский «Пир Петра Первого», с призывом «с подданным мириться», которым открывался первый номер «Современника», отчасти соответствовал обличительному (против ссор) пафосу гоголевской «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Выписки Пушкина из «Истории Русов», в том же номере «Современника» — в рецензии на выход в свет собрания сочинений святителя Георгия (Конисского), — оказались, по наблюдению Н. С. Тихонравова¹, именно те, которые использовал ранее Гоголь в «Тарасе Бульбе»; причем от натуралистических сцен казней, заключенных в приведенных Пушкиным фрагментах и оцененных поэтом как проявление «невольного пристрастия» [Пушкин, 1949. Т. 12: 19], Гоголь в «Тарасе Бульбе» — т. е. ранее, еще до пушкинской рецензии, — отказался — предварив, таким образом, пушкинскую критику этих описаний.

Примечательно также, что в высоко оцененной Пушкиным — и даже избранной в качестве программной для второго номера «Современника» статье князя В. Ф. Одоевского «О вражде к просвещению...» [Пушкин, 1949. Т. 16: 100] почти дословно повторялась критика Гоголя в адрес Сенковского, в частности, по поводу фантастических произведений последнего и его подражаний французской литературе. Сам Гоголь при этом назывался в статье Одоевского, в опровержение мнений Сенковского, «лучшим талантом в России» [Одоевский: 214]; [Гиллельсон, Мильчина: 122].

Непосредственно к пушкинской статье <Мнения о ничтожестве литературы русской> восходит, по-видимому, важнейшее представление Гоголя, послужившее впоследствии определению жанра «Мертвых

¹ См.: [Тихонраов: 664]. См. также: [Слюсарь: 51]; [Звизняцковский: 260].

душ» как «поэмы». Это неизменная критика Гоголя в адрес европейской схоластики и размышления о глубокой связи поэзии и религии, веры и «лиризма» — о том, что «верховным источником» последнего служит поэту Сам Бог [Гоголь, 2009. Т. 6: 48] [Гоголь, 2009. Т. 14: 376]. В декабре 1833 — марте 1834 г. Пушкин писал: «Ничто не могло быть противоположнее поэзии, как та философия, которой XVIII век дал свое имя. Она была направлена противу господствующей религии, вечного источника поэзии у всех народов...» [Пушкин, 1949. Т. 11: 271]. Эта мысль заключена Гоголем в написанной в 1836 г. для пушкинского современника рецензии на книгу Е. И. Ольдекопа «Картины мира».

Так или иначе, но гоголевским журналистским поведением в первом томе «Современника» Пушкин был все-таки недоволен. Поэт вступил тогда в полемику с Гоголем и в итоге даже не принял в «Современник» целый ряд статей, готовившихся Гоголем для журнала. Все это самым непосредственным образом определило дальнейшую судьбу Гоголя.

Необходимо подчеркнуть, что для всякого другого времени содержание основанного Пушкиным журнала было, безусловно, выдающимся. По своему уровню «Современник» превосходил другие повременные издания. Но для эпохи, в которую по инициативе Государя и его министра решались принципиальные для русского общества задачи, такой уровень был явно недостаточен. Сниженному при самом основании общественно-политическому статусу журнала вполне соответствовала довольно невысокая в целом оценка, вынесенная пушкинскому изданию современниками. Единственной публикацией, достойной уровня *передового* русского журнала, первыми читателями «Современника» была почти единодушно признана лишь статья Гоголя «О движении журнальной литературы...» Таким образом, лишь Гоголь оказался готовым к исключительным требованиям времени. Представители самых разных, даже противоположных партий сошлись во мнении, что серьезного внимания в первом номере «Современника» заслуживает только гоголевская статья.

Так, важнейшей из всех публикаций в первом томе «Современника» статья Гоголя была названа в апреле 1836 г. в газете А. Ф. Воейкова «Литературные Прибавления к Русскому Инвалиду» [Воейков]. (Воейков ошибочно полагал при этом, что гоголевская статья написана А. А. Краевским; см.: [Долдобанов, Сидоров: 722].) Такое же мнение высказал 4 мая 1836 г. И. И. Дмитриев в письме к князю П. А. Вяземскому:

«Всего же более полюбился мне обзор новой нашей словесности, изложенный с искусством или, по-нынешнему, художественно и с беспристрастием. Чей это, Пушкина или Плетнева?» [Дмитриев: 187]. О том, что во всем первом номере пушкинского журнала «одна» только статья Гоголя привлекла внимание публики, вспоминал И. И. Панаев [*Гоголь в воспоминаниях...* Т. 3: 281]. Благожелательный отзыв был дан в 1836 г. статье Гоголя Белинским (см.: [Белинский, 1836 (а)]; [Белинский, 1836 (б)]). («Самыми интересными» в номере критиком были названы статья «О движении журнальной литературы...» и раздел «Новые книги», также составлявшийся Гоголем: «...В них видны дух и направление нового журнала...» [Белинский, 1953. Т. 2: 180].) В середине апреля 1836 г. начинающий литератор (впоследствии сенатор) К. Н. Лебедев записал в дневнике: «Я получил журнал Пушкина “Современник”. И стоило ждать его три месяца? <...> Что такое 1-й № “Современника”? <...>Замечательного только “Рифма” <арона> Розена и о “Журналистике” самого издателя (имеется в виду напечатанная анонимно статья Гоголя. — И. В.). <...> Не так должно было приниматься за дело; не шуточно-литературный, не просто-литературный должен быть “Современник”. Наше время повыше этого. <...> Посмотрите: что вы поместили в № 1? Повести г. Гоголя (имеется в виду повесть “Коляска” и драматический отрывок “Утро делового человека”. — И. В.): ну можно ли помещать такие повести? Путешествие в Арзрум; ну не совестно ли занять половину книги почтовым дорожником?» [Лебедев: 356–357]. В защиту гоголевской статьи «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году» от критики самого Пушкина — которую тот изложил в анонимном «Письме к издателю» в третьем томе «Современника» за 1836 г. — выступил 13 октября 1836 г. П. И. Мартос в письме к самому поэту [Пушкин, 1949. Т. 16: 166].

Уже одно стремление Гоголя объединить в статьях для «Современника» «пушкинское» и «уваровское» свидетельствует о том, что у него были свои представления о направлении журнала. В статье «О движении журнальной литературы...», подразумевая «Библиотеку для Чтения», он замечал: «...Множество помещенных в журнале статей ничего не значит, если журнал не имеет своего мнения и не оказывает в нем направление, хотя даже одностороннее, к какой-нибудь цели» [Гоголь, 2009. Т. 7: 475]. Так или иначе, но успешному начинанию Гоголя отказался содействовать сам редактор «Современника» — Пушкин.

В гоголевской судьбе это отразилось самым крутым, но вполне понятным поворотом. Под влиянием ссоры Пушкина с Уваровым в 1835 г., по причине последовавшей в 1836 г. размолвки поэта с самим Гоголем у последнего постепенно окончательно оформилось давнее, зародившееся еще в школьные годы¹ желание отправиться на продолжительное время за границу. Позиция Пушкина оказала в этом отношении решающее влияние. Помимо последствий частного характера, затронувших поэта лично, Пушкин своим поступком — неожиданным выпадом против Уварова, а затем разногласиями с Гоголем по поводу политической программы «Современника», поставил под сомнение, сделал почти невозможным для участников его журнала сотрудничество с властью в осуществлении общегосударственной, возглавляемой министерством Уварова программы, — программы укрепления начал Православия, Самодержавия, Народности. В первую очередь именно Гоголь этим пушкинским поведением — тем, что своим памфлетом поэт окончательно восстановил против себя Уварова, — был лишен тогда перспективы развития в качестве журналиста в том направлении, к которому стремился. Учитывая отмеченное раскаяние Пушкина по поводу необдуманного выпада против Уварова, можно предположить, что именно этим продиктованы строки — как запоздалое предупреждение, — которые появились в 1836 г. в пушкинской статье «Александр Радищев»: «Он как будто старается раздражить верховную власть своим горьким злоречием; не лучше ли было бы указать на благо, которое она в состоянии сотворить?» [Пушкин, 1949. Т. 12: 36].

Конфликт Пушкина с Уваровым, разногласия поэта с Гоголем о степени содействия «Современника» власти, по-видимому, стали главными причинами того, что надолго отложенные Гоголем, после кратковременной поездки в Германию в 1829 г., мысли о «путешествии по Европе» [Гоголь, 2009. Т. 11: 34] вновь появляются у него летом 1835 г., во время пребывания на родине. Неприятности по университету, неожиданное увольнение из Патриотического института, критическое отношение Пушкина к Уварову и — чуть позже — лично к Гоголю, — всё это вместе, несомненно, способствовало возвращению таких мыслей.

В 1835 г. Гоголь выехал из Петербурга в Малороссию 28 апреля [Долдобанов, Сидоров: 118]. На протяжении февраля-апреля он, вероятно, лично наблюдал за всё нарастающим раздражением Пушкина

¹ См. подробнее: [Виноградов, 2017].

против Уварова, которое отразилось в упомянутых пушкинских материалах: в дневниковой записи от февраля 1835 г., в эпиграмме на князя М. А. Дондукова-Корсакова от второй половины апреля или мая-июня 1835 г.; в письме к И. И. Дмитриеву от 26 апреля 1835 г. Работа над памфлетом «Выздоровление Лукулла» датируется более поздним периодом — ноябрем — началом декабря 1835 г. К тому времени Гоголь уже вернулся в Петербург (из отпуска он приехал 31 августа 1835 г.). С сентября по декабрь Гоголь неоднократно встречался с поэтом; по крайней мере, точно известно о четырех таких встречах.

Окончательное решение ехать за границу, оставив все петербургские дела, прекратив редакторство в «Современнике», было принято Гоголем, судя по фактам, отнюдь не после огорчения, он испытал после премьеры «Ревизора» 19 апреля 1836 г., но гораздо ранее — именно тогда, когда Пушкин в конце февраля — начале марта 1836 г. высказал ему недовольство статьёй «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году». Именно в то время, а именно 7 марта 1836 г., директор Санкт-Петербургских Императорских театров А. М. Геденон в письме к Гоголю, обсуждая форму оплаты за постановку «Ревизора», предложил ему две возможности: поспектакльную плату или единовременное вознаграждение [Гоголь, 2009. Т. 11: 43]. В ответном (не сохранившемся) письме от 7–8 марта Гоголь избрал последнее (см.: [Гоголь в воспоминаниях... Т. 1: 819]). Несмотря на данное полутора месяцами ранее (во второй половине января 1836 г.) обещание Пушкину быть «верным сотрудником» [Гоголь, 2009. Т. 6: 206], единовременную (а не поспектакльную, более выгодную) оплату Гоголь предпочел для того, чтобы в ближайшее время (6 июня 1836 г.) отправиться на длительное время — на «год или полтора» [Гоголь, 2009. Т. 11: 52] — за границу.

Недавно опубликовано еще одно, неизвестное ранее свидетельство о недовольстве Пушкина Гоголем как редактором «Современника». Это недвусмысленное свидетельство, записанное со слов самого Гоголя, оставил в те самые дни февральско-мартовской размолвки между Пушкиным и Гоголем А. В. Назаров, ученик М. П. Погодина по Московскому университету (выпуска 1833 г.). Встретившись 11 марта 1836 г. с Гоголем, Назаров в тот же день в письме к Погодину сообщал: «Гоголь мне сказывал, что <...> Пушкин не знает, что делать с своим Современником; он уже надоел ему, и <Пушкин> гонит его <Гоголя>

отсюда к Вам в Москву» [Долдобанов, Сидоров: 492]. — Отсылая Гоголя «в Москву», к Погодину, Пушкин, вероятно, имел в виду то, что Гоголь «идеально» подошел бы к редакции «Московского Наблюдателя». (23 июня 1836 г. Погодин, откликнувшись на приглашение Пушкина, отправил ему в «Современник» «кипку статей» [Пушкин, 1949. Т. 16: 128]— две статьи и четыре рецензии. Из них в пушкинском журнале была напечатана лишь одна [Долдобанов, Сидоров: 700–701].)

Последняя встреча Пушкина с Гоголем, во время которой поэт уговорил его оставить для «Современника» повесть «Нос», но окончательно отверг четыре гоголевские статьи — «Петербург и Москва», «Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления “Ревизора” к одному литератору», «Петербургская сцена в 1835–36 г.», «Театральный разъезд после представления новой комедии», — состоялась в период с 26 по 31 мая 1836 г. Ни Пушкин, ни Гоголь тогда не предполагали, что эта встреча станет последней. Вероятно, они договорились встретиться вскоре, 2 июня 1836 г., на вечере у Вяземского в честь дня рождения его сына Павла — и уже там проститься. Жена Вяземского с детьми тоже уезжала за границу 6 июня 1836 г. — на одном пароходе с Гоголем. По позднему свидетельству Гоголя в письме к П. А. Плетневу от 27 сентября 1839 г., с Пушкиным он расстался, «как будто бы разлучаясь на два дни» [Гоголь, 2009. Т. 11: 265].

В конце мая 1836 г. Гоголь завершил работу над первой редакцией «Женитьбы» и познакомил с новой комедией актера И. И. Сосницкого. 2 июня он прочел ее также на вечере у Вяземских, где, по-видимому, намеревался в последний раз увидеться с Пушкиным — заодно представив ему свою комедию. (Ранее, в конце 1834 — 1835 г., Гоголь читал «Женитьбу» на вечере у Жуковского, где, возможно, присутствовал Пушкин; в начале сентября 1835 г. рукопись комедии Гоголь даже оставлял у Пушкина, для замечаний.) Однако Пушкин на вечер к Вяземскому почему-то не приехал.

Расставшись в конце мая 1836 г. «как будто <...> на два дни», Пушкин и Гоголь больше никогда не встречались и даже не переписывались. 6/18 июня 1836 г. Гоголь выехал из Кронштадта за границу, а через десять дней, 16/28 июня, писал В. А. Жуковскому из Гамбурга: «Даже с Пушкиным я не успел и не мог проститься; впрочем, он в этом виноват» [Гоголь, 2009. Т. 11: 61].

В конце концов не имеет смысла гадать, насколько «виноват» или «не виноват» оказался Пушкин в несостоявшемся служении Гоголя на поприще журналиста. Важно то, что от своего призвания «богатыря» [Гоголь, 2009. Т. 6: 50], защитника интересов России — уникального государства единственного славянского народа, сохранившего в истории свою независимость и самобытность, — Гоголь после 1836 г., безусловно, не отказался. На другом месте и в другой форме он продолжил свой путь.

Именно Гоголь позднее, в «Выбранных местах из переписки с друзьями», продолжил защиту Пушкина от обвинений в вольнодумстве и пушкинскую полемику о мнимом «ничтожестве» русской литературы — объявляемой радикалами, за оды русских писателей правителям России, несуществующей. В своих статьях о русской поэзии — «О лиризме наших поэтов», «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» — Гоголь со всей определенностью подчеркивал глубокую преемственность творчества Ломоносова, Державина и Пушкина в развитии русской литературы — и не только литературы, но и русской жизни и государственности. Этим Гоголь решительно возражал радикальным критикам — в числе которых был, кстати сказать, не только убежденный западник Белинский, но и оппозиционер-славянофил, бывший друг Белинского, Константин Аксаков, автор весьма критической диссертации о Ломоносове¹. Возражая друзьям и недругам, Гоголь писал: «Поэты наши <...> были не одними казначеями сокровищ наших, но отчасти даже и строителями нашими...» [Гоголь, 2009. Т. 6: 191–192]; «От множества гимнов и од царям поэзия наша, уже со времен Ломоносова и Державина, получила какое-то величественно-царственное выражение» [Гоголь, 2009. Т. 6: 41]; «Не говоря уже о Ломоносове и Державине, даже у Пушкина слышится этот строгий лиризм повсюду, где ни коснется он высоких предметов» [Гоголь, 2009. Т. 6: 37–38].

Как и Пушкин, Гоголь еще со школьной скамьи был искренним почитателем ломоносовской и державинской лиры — и, в отличие от Белинского, с уважением относился даже к «устаревшим» литературным понятиям. Примечательно удивление, которое испытал, к при-

¹ См. подробнее: *Виноградов И. А.* Феномен западничества в славянофильстве: взгляд Гоголя // *Литературный факт.* 2019. № 2 (12). С. 189–224.

меру, в 1832 г. семидесятилетний поэт И. И. Дмитриев, когда познакомился с Гоголем. В ту пору Гоголь был еще только автором «Вечеров на хуторе близ Диканьки»: «О-о! Да он-таки смотрит Гоголем... <...> У него и теперь много авторского запаса. Он не говорит *Батёвщина*, *Лагарповщина*. И Лагарп и Батё имели в свое время и всегда будут иметь свое место. <...> Я очень доволен, что его узнал: в нем будет прок» [*Гиллельсон, Мануйлов, Степанов*: 115].

Оде Пушкина против Уварова «На выздоровление Лукулла» — досадной для самого Пушкина (досадной, что не сдержал ослепляющего гнева) — Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями» противопоставил стихи поэта, которые, в отличие от минутного пасквиля, составили подлинную славу Пушкина. Имея в виду два ярко «монархических» стихотворения Пушкина 1828 и 1832–1834 гг. «Друзьям» («Нет, я не льстец, когда царю...») и «К Н***» («С Гомером долго ты беседовал один...»)¹, Гоголь писал: «Только по смерти Пушкина обнаружились его истинные отношения к Государю и тайны двух его лучших сочинений. Никому не говорил он при жизни о чувствах, его наполнявших, и поступил умно. После того как вследствие всякого рода холодных газетных возгласов, писанных слогом помадных объявлений, <...> перестали верить у нас на Руси искренности всех печатных излияний, — Пушкину было опасно выходить: его бы как раз назвали подкупным или чего-то ищущим человеком. Но теперь <...> не отыщется во всей России такого человека, который посмел бы назвать Пушкина льстецом или угодником кому бы то ни было. <...> ...Теперь всяк, кто даже и не в силах постигнуть дело собственным умом, примет его на веру, сказавши: “Если сам Пушкин думал так, то уж, верно, это сушая истина”. Царственные гимны наших поэтов изумляли самих чужеземцев своим величественным складом и слогом» [*Гоголь, 2009*. Т. 6: 49].

Подводя итог размышлениям о монархических убеждениях Пушкина, Гоголь называл еще два проникнутых верноподданническими чувствами стихотворения поэта: «...Гордо затрепетало его сердце, когда услышал он о приезде Государя в Москву во время ужасов холеры...» [*Гоголь, 2009*. Т. 6: 50]. — Гоголь подразумевал посвященное Императору Николаю I стихотворение Пушкина «Герой» 1830 г., ко-

¹ Об адресате этого пушкинского стихотворения подробнее см.: [*Виноградов, 2016*].

торое завершается словами: «Оставь герою сердце! Что же / Он будет без него? Тиран...» [Пушкин, 1948. Т. 3. Кн. 1: 253]. Далее Гоголь цитировал стихотворение Пушкина «Пир Петра Первого», примечательное тем, что этим произведением поэт открыл в 1836 г. первый номер «Современника». Это стихотворение определяло «лицо» журнального предприятия; далее в пушкинском журнале следовала не менее «монархическая» статья П. А. Плетнева «Императрица Мария»¹.

Гоголь писал: «Он <Пушкин> сумел также оценить и другую черту в жизни другого венценосца, Петра. Вспомни стихотворенье “Пир на Неве”... <...> Только один Пушкин мог почувствовать всю красоту такого поступка. Уметь не только простить своему подданному, но еще торжествовать это прощение, как победу наврагом, — это истинно Божеская черта. Только на небесах умеют поступать так» [Гоголь, 2009. Т. 6: 50–51].

Перечислив монархические стихи поэта, Гоголь заключал: «Пушкин был знаток и оценщик верный всего великого в человеке. Да и как могло быть иначе, если духовное благородство есть уже свойственность почти всех наших писателей?» [Гоголь, 2009. Т. 6: 51].

Благородство Пушкина несомненно. К сожалению, такого же благородства не нашлось впоследствии у его радикально настроенных интерпретаторов — нового поколения журналистов «отрицательного» направления, «людей темных, никому не известных, не имеющих мыслей и чистосердечных убеждений» [Гоголь, 2009. Т. 6: 202]. Пушкин, Гоголь, Уваров — все эти трое чрезвычайно важных, выдающихся лиц в истории России — несмотря на то, что их совместное служение на просветительском поприще страны сложилось не так, как могло бы по всем задаткам состояться, — каждый, вследствие разных обстоятельств, пошел своим путем, — тем не менее все трое однозначно являются людьми одного круга, одних идей и убеждений, резко отличающих их от последователей Радищева и Белинского.

¹ О значении статьи П. А. Плетнева «Императрица Мария» для творчества Гоголя см.: *Виноградов И. А.* Образ монарха-наставника в творчестве Н. В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 2. С. 7–30.

Список литературы

1. <Архипов В. А., Базанов В. Г., Левкович Я. Л.> Литературно-эстетические позиции «Полярной звезды» // Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым / Издание подготовили В. А. Архипов, В. Г. Базанов и Я. Л. Левкович. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 804–884.
2. <Асеев Н. Н.> Последние статьи Николая Асеева. Вступ. заметка, публикация и коммент. А. Крюковой // Вопросы литературы. 1979. № 4. С. 142–159.
3. <Бартенев П. И.> П. Б. Неизданные стихи А. С. Хомякова // Русский Архив. 1863. Вып. 4. Стб. 303–304.
4. <Белинский В. Г.> В. Б. Несколько слов о «Современнике» // Молва. 1836. Ч. XI. № 7. С. 167–178. (а).
5. <Белинский В. Г.> В. Б. Вторая книжка «Современника» // Молва. 1836. Ч. XII. № 13. С. 3–12. (б).
6. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. Москва: изд-во АН СССР, 1953–1959.
Т. I: Статьи и рецензии. Художественные произведения. 1829–1835. 1953. 573 с.
Т. II: Статьи и рецензии. Основания русской грамматики. 1836–1838. 1953. 567 с.
Т. III: Статьи и рецензии. Пятидесятилетний дядюшка. 1839–1840. 1953. 683 с.
Т. IV: Статьи и рецензии. 1840–1841. 1954. 675 с.
Т. V: Статьи и рецензии. 1841–1844. 1954. 683 с.
Т. VI: Статьи и рецензии. 1842–1843. 1955. 799 с.
Т. IX: Статьи и рецензии. 1845–1846. 1955. 803 с.
Т. XI: Письма. 1829–1840. 1956. 719 с.
Т. XII: Письма. 1841–1848. 1956. 596 с.
7. Белинский В. Г. Собрание сочинений: В 9 т. М.: Художественная литература, 1976. Т. 1. 736 с.
8. Беляев Д. М. Польское восстание по письмам Пушкина к Е. М. Хитрово // Письма Пушкина к Е. М. Хитрово. 1827–1832. (Труды Пушкинского дома. Вып. 48). Л., 1927. С. 257–300.
9. Бестужев А. Взгляд на старую и новую словесность в России // Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. Издание подготовили В. А. Архипов, В. Г. Базанов и Я. Л. Левкович. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 11–29. (а)
10. Бестужев А. Взгляд на старую и новую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов // Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. Издание подготовили В. А. Архипов, В. Г. Базанов и Я. Л. Левкович. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 488–499. (б)
11. Благий Д. Д. Белинский и Пушкин // Белинский — историк и теоретик литературы. Сборник статей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 235–271.
12. Богаевская К. П. Из забытых книг // Прометей. М.: Молодая гвардия, 1974. Т. 10. С. 397–401.
13. Бонди С. М. Историко-литературные опыты Пушкина // Литературное наследство. М.: Журнально-газетное объединение, 1934. Т. 16–18. С. 421–442.

14. <Булгарин Ф. В.> Мнение о литературном Журнале: Современник, издаваемом Александром Сергеевичем Пушкиным на 1836 год. Статья 1-я // Северная Пчела. 1836. 6 июня. № 127. С. 506–508.

15. <Бутырский Н. И.> Краткое обозрение действий и состояния Императорского С. Петербургского Университета с его округом, по учебной части, за прошедший 1832–1833 академический год, читанное 31 августа 1833 года в торжественном собрании университета ординарным профессором оного Бутырским // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 1. Отд. 2. С. 45–60.

16. <Веневитинов Д. В.> — в. Ответ Г. Полевому // Сын Отечества. 1825. Ч. 103. № 19 / Прибавление к Сыну Отечества. № I. С. 25–39.

17. Веневитинов Д. В. О состоянии просвещения в России // Литературная критика 1800–1820-х годов / Автор статьи, состав, примеч. и подготовка текста Л. Г. Фризмана. М.: Художественная литература, 1980. С. 278–282.

18. Виноградов И. А. Повесть Н. В. Гоголя «Вий»: К истории замысла и его интерпретации // Гоголезнавчі студії. Гоголеведческие студии. Ніжин, 2000. Вып. 5. С. 84–108.

19. Виноградов И. А. Комментарий // Гоголь Н. В. Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий. Издание подготовил И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 387–656.

20. Виноградов И. А. «Величественная ода». Гоголь о стихотворении Пушкина «К Н***» // Проблемы исторической поэтики. 2016. Вып. 14. С. 140–154.

21. Виноградов И. А. Путешествие в творчестве Гоголя // Гоголезнавчі студії. Гоголеведческие студии. Ніжин, 2017. Вып. 6 (23). С. 24–60.

22. Виноградов И. А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809—1852). Научное издание: в 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2017–2018.

Т. 1. 2017. 736 с.

Т. 2. 2017. 672 с.

23. Виноградов И. А. «Огорченные люди» в творчестве Н. В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 4. С. 29–114.

24. Виноградов И. А. Знакомые Н. В. Гоголя в круге общения К. Маркса: к истории одного знакомства // Studia Litterarum. 2019. Т. 4. № 1. С. 236–249. (а)

25. Виноградов И. А. Единственный автограф повести Н. В. Гоголя «Вий» // От истории текста к истории литературы. Научное издание / Отв. ред. М. И. Щербакова. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Вып. 2. С. 117–162. (б)

26. <Войков А. Ф.?)> Смирнов П. Новые книги // Литературные Прибавления к Русскому Инвалиду. 1836. 29 апр. № 35. С. 279.

27. <Герцен А. И.> Неизданные стихотворения А. Пушкина, К. Рыльева, М. Лермонтова // Полярная Звезда на 1856, издаваемая Искандером. London, 1858. Кн. 2. С. 3–44.

28. Гиллельсон М. Письма Жуковского о запрещении «Европейца» // Русская литература. 1965. № 4. С. 114–124.

29. Гиллельсон М. Неизвестные публицистические выступления П. А. Вяземского и И. В. Киреевского // Русская литература. 1966. № 4. С. 120–134.

30. Гиллельсон М. И., Мануйлов В. А., Степанов А. Н. Гоголь в Петербурге. Л.: Лениздат, 1961. 307 с.

31. Гиллельсон М. И., Мильчина В. А. Комментарии // Современник. Литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. Приложение к факсимильному изданию. М.: Книга, 1987. С. 40–202.

32. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: <В 14 т.>. <Ленинград>: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. VIII: Статьи / Тексты и коммент. подготовили О. Б. Билинчис, Л. М. Лотман, В. Б. Томашевский, Г. М. Фридлендер. 1952. 816 с.

33. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. (15 кн.) / Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. Москва; Киев: изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.

Т. I–II: Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород. 2009. 664 с.

Т. III–IV: Повести. Комедии. 2009. 688 с.

Т. VI: Выбранные места из переписки с друзьями. Духовная проза. Критика. Публицистика. 2009. 744 с.

Т. VII: Юношеские опыты. Первоначальные редакции. 2009. 816 с.

Т. VIII: Классные сочинения. Лекции и материалы по истории и географии. Заметки о русском быте. 2009. 720 с.

Т. X: Переписка 1820–1834. 2009. 392 с.

Т. XI: Переписка 1835–1841. 2009. 488 с.

Т. XIV: Переписка 1847. 2009. 608 с.

34. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: в 3 т. / Издание подготовил И. А. Виноградов. Москва: ИМЛИ РАН, 2011–2013.

Т. 1. 2011. 904 с.

Т. 3. 2013. 1168 с.

35. Гончаров И. А. Из университетских воспоминаний // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. / Вступ. статья В. Э. Вацура; сост. и примеч. В. Э. Вацура, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович. Москва: Худож. лит., 1985. Т. 2. С. 253–254.

36. <Дмитриев И. И.> Письма И. И. Дмитриева к князю П. А. Вяземскому // Стarina и Новизна. 1898. Кн. 2. С. 117–263.

37. <Долдобанов Г. И.> Хроника жизни и творчества А. С. Пушкина. В 3 т. 1826–1837. М.: ИМЛИ РАН, 2001. Т. 2. Кн. 1. 1831–1832 / Сост. Г. И. Долдобанов. Научный редактор А. А. Макаров. 424 с.

38. <Долдобанов Г. И., Сидоров И. С.> Хроника жизни и творчества А. С. Пушкина. В 3 т. 1826–1837. М.: ИМЛИ РАН, 2016. Т. 3. Кн. 1. 1835 — сентябрь 1836 / Сост. Г. И. Долдобанов, И. С. Сидоров. 872 с.

39. Захаров В. Н. Есть ли у нас литература? Концепты *литература* и *словесность* в русской критике // Проблемы исторической поэтики. 2016. Вып. 14. С. 7–15.

40. Звиняцковский В. Я. Николай Гоголь. Тайны национальной души. Киев: Липней, 1994. 543 с.

41. Ивинский Д. П. К вопросу об адресате стихотворения А. С. Пушкина «Ты просвещением свой разум осветил...» // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1989. № 3. С. 60–65.

42. <Киреевский И. В.> 9.11. Нечто о характере поэзии Пушкина. *Московский Вестник*. 1828. Ч. 8. № 6. С. 171–196.

43. *Киреевский И. В.* Обозрение русской словесности 1829 года // *Киреевский И. В.* Критика и эстетика / Составление, вступ. статья и примеч. Ю. В. Манна. М.: Искусство, 1979. С. 55–79.

44. *Курилов А. С.* Державинская составляющая критерия народности русской литературы в аксиологии молодого В. Г. Белинского // *Литературоведческий журнал*. 2016. № 39. С. 78–87.

45. *Кюхельбекер В.* О направлении нашей Поэзии, особенно лирической, в последнее время // Мнемозина, собрание сочинений в стихах и прозе, издаваемая Кн<язем> В. Одоевским и В. Кюхельбекером. М.: В Типографии Императорского Московского Театра, 1824. Ч. II. С. 29–44. (а)

46. *Кюхельбекер В.* Разговор с Ф. В. Булгариным // Мнемозина, собрание сочинений в стихах и прозе, издаваемая Кн<язем> В. Одоевским и В. Кюхельбекером. М.: В Типографии Императорского Московского Театра, 1824. Ч. III. С. 157–177. (б)

47. <Лебедев К. Н.> Записки сенатора К. Н. Лебедева // *Русский Архив*. 1910. № 7. С. 333–408.

48. *Лотман Ю. М.* Стихотворение Андрея Тургенева «К отечеству» и его речь в «Дружеском литературном обществе» // *Литературное наследство*. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 60. Кн. 1. С. 323–338.

49. <Межевич В. С.> О народности в жизни и в поэзии. Речь, произнесенная в торжественном собрании Московского Дворянского института 1835 года, Декабря 22-го дня, Старшим Учителем *Василием Межевичем*. М., 1835. С. 46–53.

50. *Моро Ж.-Л.* «Глухой глухого звал на суд судьи глухого» // Многоязычие в образовательном пространстве. Том 5: К 75-летию Жан-Люка Моро, французского финно-угроведа, переводчика, поэта: сборник научных трудов / Сост. Т. И. Зеленина; ред. Т. И. Зеленина, Ж.-Л. Моро, Н. В. Кондратьева. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2014. С. 130–157.

51. *Неверов Я.* Обозрение русских газет и журналов за первую половину 1835 года // *Журнал Министерства Народного Просвещения*. 1836. № 8. С. 428–449.

52. *Неизданный Гоголь* / Издание подготовил И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2001. 600 с.

53. *Никитенко А. В.* Дневник. В 3 т. <Без м. изд.>: Государственное издательство художественной литературы, 1955. Т. 1. 543 с.

54. *Никольский В. В.* Жобар и Пушкин // *Русская Старина*. 1880. № 7. С. 555–564.

55. <Одоевский В. Ф., князь>. С. Ф. О вражде к просвещению, замечаемой в новейшей литературе // *Современник*. 1836. № 2. С. 206–217.

56. *Плетнев П. А.* О народности в литературе. Рассуждение, читанное в торжественном собрании Императорского С. Петербургского университета профессором оного П. А. Плетневым, 31 августа 1833 года // *Журнал Министерства Народного Просвещения*. 1834. Ч. 1. № 1. Отд. 2. С. 1–30.

57. <Полевой Кс. А.> К. П. О новом направлении в Русской Словесности // *Московский Телеграф*. 1834. Ч. 56. № 5. С. 118–136.

58. *Прийма Ф. Я.* Пушкин и Белинский // Русская литература. 1977. № 1. С. 30–46.
59. <*Пушкин А. С.*> А. Б. Письмо к издателю // Современник. 1836. Т. 3. С. 321–329.
60. *Пушкин.* <Собр. соч.> Библиотека великих писателей под ред. С. А. Венгера. СПб.: Издание Брокгауз-Ефрона, 1911. Т. 5. 552 + 80 с.
61. *Пушкин.* Полное собрание сочинений: в 16 т. Москва; Ленинград, АН СССР, 1837–1959.
- Т. 3. Кн. 1: Стихотворения, 1826–1836. Сказки / Ред. С. М. Бонди, Т. Г. Зенгер, Н. В. Измайлов, А. Л. Слонимский, М. А. Цявловский. 1948. 635 с.
- Т. 3. Кн. 2: Стихотворения, 1826–1836. Сказки / Ред. М. А. Цявловский, Т. Г. Цявловская-Зенгер. 1949. 744 с.
- Т. 11: Критика и публицистика, 1819–1834 / Ред. В. В. Гиппиус, Б. М. Эйхенбаум, Б. В. Томашевский, С. М. Бонди, Н. В. Измайлов, В. В. Виноградов, Б. С. Мейлах, Б. И. Коплан, А. И. Заозерский. 1949. 600 с.
- Т. 12: Критика. Автобиография / Ред. В. В. Гиппиус, Б. М. Эйхенбаум, Т. Г. Цявловская-Зенгер, Н. Г. Богословский, С. М. Бонди, Г. А. Бялый, Н. В. Измайлов, В. Л. Комарович. 1949. 576 с.
- Т. 13: Переписка, 1815–1827 / Ред. Д. Д. Благой. 1937. 651 с.
- Т. 14: Переписка, 1828–1831. Ред. Л. Л. Домгер, Н. В. Измайлов, Б. Л. Модзалевский, Д. П. Якубович. 1941. 547 с.
- Т. 15: Переписка, 1832–1834 / Ред. Л. Л. Домгер, Н. В. Измайлов, Л. Б. Модзалевский. 1948. 391 с.
- Т. 16: Переписка, 1835–1837 / Ред. Л. Л. Домгер, Н. В. Измайлов, Л. Б. Модзалевский. 1949. 503 с.
62. Пушкин в неизданной переписке современников (1815–1837) // Литературное наследство. Т. 58. М., 1952. С. 3–154.
63. Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов. Под ред. Н. В. Измайлова. М.; Л., 1960. 433 с.
64. *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч.: В 3 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 1. 503 с.
65. *Садовников Д. Н.* Отзывы современников о Пушкине. (К материалам для его биографии) // Исторический Вестник. 1883. Декабрь. С. 520–542.
66. *Словарь А. А.* Проза А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя. Опыт жанрово-типологического сопоставления. Киев; Одесса: Лыбидь, 1990. 188 с.
67. *Соболевский С. А.* Из писем к М. Н. Лонгинову // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. / Вступ. статья В. Э. Вацуро; сост. и примеч. В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович. Москва: Худож. лит., 1985. Т. 2. С. 14–16.
68. *Соловьев В.* Судьба Пушкина // Вестник Европы. 1897. № 9. С. 131–156.
69. <*Тархова Н. А.*> Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. В 4 т. / Сост. Н. А. Тархова; Т. 4. 1833–1837. М.: Слово/Slovo, 1999. 752 с.
70. *Тихонравов Н.* Примечания редактора и варианты // *Гоголь Н. В.* Сочинения. 10-е изд. Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Н. Тихонравовым. М., 1889. Т. 1. С. 505–709.
71. *Томашевский Б. В.* Пушкин и французская литература // Литературное наследство. М.: Журнально-газетное объединение, 1937. Т. 31–32. С. 1–76.

72. Трубицын Н. Н. О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века. (Очерки). СПб., 1912. 593 с.
73. Тургенев А. И. <Речь о русской литературе> // Литературная критика 1800–1820-х годов / Автор статьи, состав, примеч. и подготовка текста Л. Г. Фризмана. М.: Художественная литература, 1980. С. 44–47.
74. <Уваров С. С.> Отчет по обозрению Московского Университета // Дополнение к Сборнику постановлений по Министерству Народного Просвещения. 1803–1864. СПб., 1867. Стб. 340–370.
75. Уваров С. С., Батюшков К. Н. О греческой Антологии // Арзамас: Сборник. В 2 кн. М., 1994. Кн. 2. С. 100–115.
76. <Франко И. Я.> Иван Ф. Вій, Шолудивий Буняка і Юда Іскаріотський // Україна. 1907. № 1. С. 50–55.
77. <Шевырев С. П.> Дант и его век. Исследование о Божественной комедии. Соч. Адъюнкт-Профессора С. Шевырева // Ученые Записки Императорского Московского университета. 1834. № 11. Май. С. 365–397.
78. Щеголев П. Е. Из жизни и творчества Пушкина. 3-е изд. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1931. 388 с.
79. Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. Исследование и материалы. 3-е изд., доп. М.: Книга, 1987. 550 с.

References

1. Arkhipov V. A., Bazanov V. G., Levkovich Ia. L. Literaturno-esteticheskie pozitsii “Poliarnoi zvezdy” [The literary-aesthetic position of the “Polar Star”]. *Poliarnaia zvezda, izdannaiia A. Bestuzhevym i K. Ryleevym* [*Polar Star, published by A. Bestuzhev and K. Ryleev*], the publication was prepared by V. A. Arkhipov, V. G. Bazanov and Ya. L. Levkovich. Moscow, Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1960, pp. 804–884. (In Russ.)
2. Aseev N. N. Poslednie stat'i Nikolaia Aseeva [Recent articles by Nikolai Aseev]. Introductory note, publication and comments A. Kryukova. *Voprosy literatury* [*Questions of literature*], 1979, No 4, pp. 142–159. (In Russ.)
3. Bartenev P. I. Neizdannye stikhi A. S. Khomiakova [Unreleased poems by A. S. Khomyakov]. *Russkii Arkhiv* [*Russian Archive*], 1863, issue 4, column 303–304. (In Russ.)
4. Belinskii V. G. Neskol'ko slov o “Sovremennike” [A few words about the “Contemporary”]. *Molva* [*Rumor*], 1836, part XI, No 7, pp. 167–178. (a). (In Russ.)
5. Belinskii V. G. Vtoraia knizhka “Sovremennika” [The second book of “Contemporary”]. *Molva* [*Rumor*], 1836, part XII, No 13, pp. 3–12. (b). (In Russ.)
6. Belinskii V. G. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 tomakh* [*Complete Works: 13 volumes*]. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1953–1959. (In Russ.)
Vol. I. Stat'i i retsenzii. Khudozhestvennye proizvedeniia [Articles and reviews. Works of art]. 1829–1835. 1953. 573 p. (In Russ.)
Tom II. Stat'i i retsenzii. Osnovaniia russkoi grammatiki [Articles and reviews. Foundations of Russian grammar]. 1836–1838. 1953. 567 p. (In Russ.)

Vol. III. Stat'i i retsenzii. Piatidesiatiletanii diadiushka [Articles and reviews. Fifty year old uncle]. 1839–1840. 1953. 683 p. (In Russ.)

Vol. IV. Stat'i i retsenzii [Articles and reviews]. 1840–1841. 1954. 675 p.

Vol. V. Stat'i i retsenzii [Articles and reviews]. 1841–1844. 1954. 683 p.

Vol. VI. Stat'i i retsenzii [Articles and reviews]. 1842–1843. 1955. 799 p.

Vol. IX. Stat'i i retsenzii [Articles and reviews]. 1845–1846. 1955. 803 p.

Vol. XI. Pis'ma [Letters]. 1829–1840. 1956. 719 p.

Vol. XII. Pis'ma [Letters]. 1841–1848. 1956. 596 p.

7. Belinskii V. G. *Sobranie sochinenii: v 9 tomakh* [Collected Works: in 9 volumes]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1976, vol. 1. 736 p. (In Russ.)

8. Beliaev D. M. Pol'skoe vosstanie po pis'mam Pushkina k E. M. Khitrovo [The Polish Uprising from Pushkin's Letters to E. M. Khitrovo]. *Pis'ma Pushkina k E. M. Khitrovo* [Pushkin's letters to E. M. Khitrovo]. 1827–1832. (Trudy Pushkinskogo doma [Works of Pushkin House], issue 48). Leningrad, 1927, pp. 257–300. (In Russ.)

9. Bestuzhev A. Vzgliad na staruiu i novuiu slovesnost' v Rossii [A look at the old and new literature in Russia]. *Poliarnaia zvezda, izdannaiia A. Bestuzhevym i K. Ryleevym* [Polar Star, published by A. Bestuzhev and K. Ryleev], the publication was prepared by V. A. Arkhipov, V. G. Bazanov and Ya. L. Levkovich. Moscow, Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1960, pp. 11–29. (a) (In Russ.)

10. Bestuzhev A. Vzgliad na staruiu i novuiu slovesnost' v techenie 1824 i nachale 1825 godov [A look at the old and new literature during 1824 and early 1825]. *Poliarnaia zvezda, izdannaiia A. Bestuzhevym i K. Ryleevym* [Polar Star, published by A. Bestuzhev and K. Ryleev], the publication was prepared by V. A. Arkhipov, V. G. Bazanov and Ya. L. Levkovich. Moscow, Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1960, pp. 488–499. (6) (In Russ.)

11. Blagoi D. D. Belinskii i Pushkin [Belinsky and Pushkin]. *Belinskii — istorik i teoretik literatury. Sbornik statei* [Belinsky is a historian and theorist of literature. Digest of articles]. Moscow, Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1949, pp. 235–271. (In Russ.)

12. Bogaevskaia K. P. Iz zabytykh knig [From forgotten books]. *Prometei* [Prometheus]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1974, vol. 10, pp. 397–401. (In Russ.)

13. Bondi S. M. Istoriko-literaturnye opyty Pushkina [Pushkin's Historical and Literary Experiments]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Moscow, Zhurnal'no-gazetnoe ob'edinenie Publ., 1934, vol. 16–18, pp. 421–442. (In Russ.)

14. Bulgarin F. V. Mnenie o literaturnom Zhurnale Sovremennik, izdavaemom Aleksandrom Sergeevichem Pushkinym na 1836 god. Stat'ia 1 ia [Opinion on the literary journal Sovremennik, published by Alexander Sergeevich Pushkin for 1836. Article 1]. *Severnaia Pchela* [Northern Bee], 1836, June 6, No 127, pp. 506–508. (In Russ.)

15. Butyrskii N. I. Kratkoe obozrenie deistvii i sostoianiia Imperatorskogo S. Peterburgskogo Universiteta s ego okrugom, po uchebnoi chasti, za proshedshii 1832–1833 akademicheskii god, chitanoe 31 avgusta 1833 goda v torzhestvennom sobranii universiteta ordinarnym professorom onogo Butyrskim [Brief review of the actions and status of the Imperial St. Petersburg University with its district, in the academic part, for the past 1832–1833 academic year, read on August 31, 1833 in the solemn meeting of the university by the ordinary professor of the Butyrsky]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo*

Prosveshcheniia [Journal of the Ministry of National Education], 1834, No 1, division 2, pp. 45–60. (In Russ.)

16. Venevitinov D. V. Otvet G. Polevomu [Answer to G. Polevoy]. *Syn Otechestva [Son of the Fatherland]*, 1825, part 103, No 19, pribavlenie k Synu Otechestva [addition to the Son of the Fatherland], No I, pp. 25–39. (In Russ.)

17. Venevitinov D. V. *O sostoianii prosveshcheniia v Rossii. Literaturnaia kritika 1800–1820-kh godov [On the state of education in Russia. Literary criticism of the 1800s — 1820s]*, the author of the article, the composition, the note and the preparation of the text of L. G. Frizman. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1980, pp. 278–282. (In Russ.)

18. Vinogradov I. A. Povest' N. V. Gogolia "Vii": K istorii zamysla i ego interpretatsii [The story of N. V. Gogol "Viy": On the history of the plan and its interpretation]. *Gogoleznavchi studii. Gogolevedcheskie studii [Gogol Research Studios]*. Nizhin, 2000, issue 5, pp. 24–60. (In Russ. and Ukrain.)

19. Vinogradov I. A. Kommentarii [Comment]. Gogol' N. V. *Taras Bul'ba. Avtografy, prizhiznennye izdaniia. Istoriko-literaturnyi i tekstologicheskii kommentarii [Taras Bulba. Autographs, lifetime editions. Historical and literary and textual commentary]*, the publication was prepared by I. A. Vinogradov. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2009, pp. 387–656. (In Russ.)

20. Vinogradov I. A. "Velichestvennaia oda' Gogol' o stikhotvorenii Pushkina "K N***" ["The majestic ode". Gogol on Pushkin's poem "To N ***"]. *Problemy istoricheskoi poetiki [Problems of historical poetics]*, 2016, issue 14, pp. 140–154. (In Russ.)

21. Vinogradov I. A. Puteshestvie v tvorchestve Gogolia [Journey in the works of Gogol]. *Gogoleznavchi studii. Gogolevedcheskie studii [Gogol Research Studios]*. Nizhin, 2017, issue 6 (23), pp. 24–60. (In Russ. and Ukrain.)

22. Vinogradov I. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N. V. Gogolia (1809—1852). Nauchnoe izdanie: v 7 tomakh [The Chronicle of the Life and Work of N. V. Gogol (1809–1852). Scientific publication: in 7 volumes]*. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2017–2018. (In Russ.)

Vol. 1. 2017. 736 p.

Vol. 2. 2017. 672 p.

23. Vinogradov I. A. "Ogorchennye liudi" v tvorchestve N. V. Gogolia ["Grived People" in the Works of N. V. Gogol]. *Problemy istoricheskoi poetiki [Problems of historical poetics]*, 2018, issue 16, No 4, pp. 29–114. (In Russ.)

24. Vinogradov I. A. Znakomye N. V. Gogolia v krugе obshcheniia K. Marksa: k istorii odnogo znakomstva [Gogol's contacts in the circle of Karl Marx: the story of one acquaintance]. *Studia Litterarum*. 2019, vol. 4. No 1, pp. 236–249. (a) (In Russ.)

25. Vinogradov I. A. Edinstvennyi avtograf povesti N. V. Gogolia "Vii" [The only autograph of the novel by N. V. Gogol "Viy"]. *Ot istorii teksta k istorii literatury. Nauchnoe izdanie [From the history of the text to the history of literature. Scientific publication]*, executive editor M. I. Scherbakova. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2019, issue 2, pp. 117–162. (6) (In Russ.)

26. Voeikov A. F. Novye knigi [New books]. *Literaturnye Pribavleniia k Russkomu Invalidu [Literary Additions to the Russian Invalid]*, 1836, April 29, No 35, pp. 279. (In Russ.)

27. Gertsen A. I. Neizdannye stikhotvoreniia A. Pushkina, K. Ryleeva, M. Lermontova [Unpublished poems by A. Pushkin, K. Ryleev, M. Lermontov]. *Poliarnaia Zvezda na*

1856, *izdavaemaia Iskanderom* [*Polar Star on 1856, published by Iskander*]. London, 1858, book 2, pp. 3–44. (In Russ.)

28. Gillel'son M. Pis'ma Zhukovskogo o zapreshchenii "Evropeitsa" [Letters of Zhukovsky on the prohibition of the "European"]. *Russkaia literatura* [Russian literature]. 1965. No 4, pp. 114–124. (In Russ.)

29. Gillel'son M. Neizvestnye publitsisticheskie vystupleniia P. A. Viazemskogo i I. V. Kireevskogo [Unknown journalistic speeches of P. A. Vyazemsky and I. V. Kireevsky]. *Russkaia literatura* [Russian literature], 1966, No 4, pp. 120–134. (In Russ.)

30. Gillel'son M. I., Manuilov V. A., Stepanov A. N. *Gogol' v Peterburge* [*Gogol in St. Petersburg*]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1961. 307 p. (In Russ.)

31. Gillel'son M. I., Mil'china V. A. Kommentarii [Comments]. *Sovremennik. Literaturnyi zhurnal, izdavaemyi Aleksandrom Pushkinym* [Literary magazine, published by Alexander Pushkin], appendix to the facsimile edition. Moscow, Kniga Publ., 1987, pp. 40–202. (In Russ.)

32. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 tomakh* [Complete Works: 14 volumes]. Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1937–1952, vol. VIII. Stat'i [Articles], the texts and comments were prepared by O. B. Bilinkis, L. M. Lotman, V. B. Tomashevsky, G. M. Friedlander. 1952. 816 p. (In Russ.)

33. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 17 tomakh (15 knigakh)* [The Complete Works and Letters: in 17 Vols (15 Books)], compilation, preparation of texts and comments by A. A. Vinogradov, V. A. Voropaev. Moscow, Kiev, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 2009–2010. (In Russ.)

Vol. I–II. Vechera na khutore bliz Dikan'ki. Mirgorod [Evenings on a Farm Near Dikanka. Myrgorod]. 2009. 664 p.

Vol. III–IV. Povesti. Komedii [Tale. Comedy]. 2009. 688 p.

Vol. VI. Vybrannye mesta iz perepiski s друз'iami. Dukhovnaia proza. Kritika. Publit-sistika [Selected places from the correspondence with friends. Spiritual Prose. Criticism. Publicism]. 2009. 744 p.

Vol. VII. Iunosheskie opyty. Pervonachal'nye redaktsii [Youth experiences. The original edition]. 2009. 816 p.

Vol. VIII. Klassnye sochineniia. Lektsii i materialy po istorii i geografii. Zametki o russkom byte [Cool essays. Lectures and materials on history and geography. Notes about Russian life]. 2009. 720 p.

Vol. X. Perepiska 1820–1834 [Correspondence 1820–1834]. 2009. 392 p.

Vol. XI. Perepiska 1835–1841 [Correspondence 1835–1841]. 2009. 488 p.

Vol. XIV. Perepiska 1847 [Correspondence 1847]. 2009. 608 p.

34. *Gogol' v vospominaniakh, dnevnikakh, perepiske sovremennikov. Polnyi sistem- aticheskii svod dokumental'nykh svidetel'stv. Nauchno-kriticheskoe izdanie: v 3 tomakh* [Gogol in memoirs, diaries, correspondence contemporaries. Full systematic set of documentary evidence. Scientific Critical Edition: in 3 volumes], the publication was prepared by I. A. Vinogradov. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2011–2013. (In Russ.)

Vol. 1. 2011. 904 p.

Vol. 3. 2013. 1168 p.

35. Goncharov I. A. *Iz universitetskikh vospominanii* [From university memories]. *A. S. Pushkin v vospominaniakh sovremennikov: v 2 tomakh* [A. S. Pushkin in his memories of contemporaries: in 2 volumes], introductory article by V.E. Vatsuro, compilation and notes by V.E. Vatsuro, M.I. Gillelson, R.V. Iesuitova, Ya. L. Levkovich. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1985, vol. 2, pp. 253–254. (In Russ.)
36. Dmitriev I. I. Pis'ma I. I. Dmitrieva k kniaziiu P.A. Viazemskomu [Letters of I. I. Dmitriev to Prince P.A. Vyazemsky]. *Starina i Novizna* [Old and Novelty]. 1898, book 2, pp. 117–263. (In Russ.)
37. Doldobanov G. I. *Khronika zhizni i tvorchestva A. S. Pushkina. V 3 tomakh. 1826–1837* [The Chronicle of the Life and Works of A.S. Pushkin. In 3 volumes. 1826–1837], compiled by G. I. Doldobanov, scientific editor A. A. Makarov. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2001, vol. 2, book 1, 1831–1832. 424 p. (In Russ.)
38. Doldobanov G. I., Sidorov I. S. *Khronika zhizni i tvorchestva A. S. Pushkina. V 3 tomakh. 1826–1837* [The Chronicle of the Life and Works of A.S. Pushkin. In 3 volumes. 1826–1837], compiled by G. I. Doldobanov, I. S. Sidorov. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2016, vol. 3, book 1, 1835 — September 1836. 872 p. (In Russ.)
39. Zakharov V. N. Est' li u nas literatura? Kontsepty literatura i slovesnost' v russkoi kritike [Do we have literature? Concepts of literature and literature in Russian criticism]. *Problemy istoricheskoi poetiki* [Problems of historical poetics], 2016, issue 14, pp. 7–15. (In Russ.)
40. Zviniatskovskii V. Ia. *Nikolai Gogol'. Tainy natsional'noi dushi* [Nikolai Gogol. Secrets of the national soul]. Kiev, Linei Publ., 1994. 543 p. (In Russ.)
41. Ivinskii D. P. K voprosu ob adresate stikhotvoreniia A. S. Pushkina “Ty prosveshcheniem svoi razum osvetil...” [On the question of the addressee of A. S. Pushkin's poem “You enlightened your mind...”]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Moscow State University Bulletin], series 9, Philology, 1989, No 3, pp. 60–65. (In Russ.)
42. Kireevskii I. V. Nechto o kharaktere poezii Pushkina [Something about the nature of Pushkin's poetry]. *Moskovskii Vestnik* [Moscow Herald], 1828, part 8, No 6, pp. 171–196. (In Russ.)
43. Kireevskii I. V. Obozrenie russkoi slovesnosti 1829 goda [The Review of Russian Literature in 1829]. Kireevskii I. V. *Kritika i estetika* [Criticism and aesthetics], drafting, introd. article and footnotes Yu. V. Mann. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979, pp. 55–79. (In Russ.)
44. Kurilov A. S. Derzhavinskaia sostavliaiushchaia kriteriia narodnosti russkoi literatury v aksiologii molodogo V. G. Belinskogo [Derzhavin's component of the criterion of the nationality of Russian literature in the axiology of the young V. G. Belinsky]. *Literaturovedcheskii zhurnal*, 2016, No 39, pp. 78–87. (In Russ.)
45. Kiukhel'beker V. O napravlenii nashei Poezii, osobenno liricheskoi, v poslednee vremia [On the direction of our Train, especially the lyric, lately]. *Mnemozina, sobranie sochinenii v stikhakh i proze, izdavaemaia Kniazem V. Odoevskim i V. Kiukhel'bekerom* [Mnemosyne, collected works in verse and prose, published by Prince V. Odoevsky and V. Kyukhelbeker]. Moscow, V Tipografii Imperatorskogo Moskovskogo Teatra Publ., 1824, part II, pp. 29–44. (a) (In Russ.)

46. Kiukhel'beker V. Razgovor s F. V. Bulgarinym [Conversation with F. V. Bulgarin]. *Mnemozina, sobranie sochinenii v stikhakh i proze, izdavaemaia Kniazem V. Odoevskim i V. Kiukhel'bekerom* [Mnemozine, collected works in verse and prose, published by Prince V. Odoevsky and V. Kyukhelbeker]. Moscow, V Tipografii Imperatorskogo Moskovskogo Teatra Publ., 1824, part III, pp. 157–177. (6) (In Russ.)

47. Lebedev K. N. Zapiski senatora K. N. Lebedeva [Notes of Senator K. N. Lebedev]. *Russkii Arkhiv* [Russian Archive], 1910, No 7, pp. 333–408. (In Russ.)

48. Lotman Iu. M. Stikhotvorenie Andreia Turgeneva “K otchestvu” i ego rech’ v “Druzheskom literaturnom obshchestve” [Andrey Turgenev’s poem “To the Fatherland” and his speech in the “Friendly literary society”]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1956, vol. 60, book 1, pp. 323–338. (In Russ.)

49. Mezhevich V. S. O narodnosti v zhizni i v poezii. Rech', proiznesennaia v torzhestvennom sobranii Moskovskogo Dvorianskogo instituta 1835 goda, Dekabria 22-go dnia, Starshim Uchitelem Vasiliem Mezhevichem [On the nation in life and in poetry. Speech delivered at the ceremonial meeting of the Moscow Nobility Institute of 1835, December 22nd of the day, by the Senior Teacher Vasily Mezhevich]. Moscow, 1835, pp. 46–53. (In Russ.)

50. Moro Zh.-L. “Glukhoi glukhogo zval na sud sud’i glukhogo” [“The deaf one who was deaf called upon the judge deaf”]. *Mnogoiazychie v obrazovatel'nom prostranstve. Vol. 5. K 75-letiiu Zhan-Liuka Moro, frantsuzskogo finno-ugroveda, perevodchika, poeta: sbornik nauchnykh trudov* [Multilingualism in the educational space. Volume 5. To the 75th anniversary of Jean-Luc Moreau, a French Finno-Ugricologist, translator, poet: a collection of scientific papers], compiled by T. I. Zelenina, editors T. I. Zelenina, J.-L. Moreau, N. V. Kondratieva. Izhevsk, Udmurt University Publishing House Publ., 2014, pp. 130–157. (In Russ. and in French)

51. Neverov Ia. Obozrenie russkikh gazet i zhurnalov za pervuiu polovinu 1835 goda [Review of Russian newspapers and magazines for the first half of 1835]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniia* [Journal of the Ministry of National Education], 1836, No 8, pp. 428–449. (In Russ.)

52. *Neizdannyi Gogol'* [Unpublished Gogol], the publication was prepared by I. A. Vиноградов. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2001. 600 p. (In Russ.)

53. Nikitenko A. V. *Dnevnik: v 3 tomakh* [Diary: in 3 volumes]. Without a place of publication, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1955, vol. 1. 543 p. (In Russ.)

54. Nikol'skii V. V. Zhobar i Pushkin [Zhobar and Pushkin]. *Russkaia Starina* [Russian Antiquity], 1880, No 7, pp. 555–564. (In Russ.)

55. Odoevskii V. F., Prince. O vrazhde k prosveshcheniiu, zamechaemoi v noveishei literature [About enmity to enlightenment, seen in the latest literature]. *Sovremennik* [Contemporary], 1836, No 2, pp. 206–217. (In Russ.)

56. Pletnev P. A. O narodnosti v literature. Rassuzhdenie, chitannoe v torzhestvennom sobranii Imperatorskogo S. Peterburgskogo universiteta professorom onogo P. A. Pletnevym, 31 avgusta 1833 goda [On the nationality in the literature. Reasoning, read in a solemn meeting of the Imperial St. Petersburg University by Professor P. A. Pletnev, August 31, 1833]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniia* [Journal of the Ministry of National Education], 1834, part 1, No 1, division 2, pp. 1–30. (In Russ.)

57. Polevoi Ks. A. O novom napravlenii v Russkoi Slovesnosti [On the new direction in Russian literature]. *Moskovskii Telegraf* [Moscow Telegraph], 1834, part 56, No 5, pp. 118–136. (In Russ.)

58. Priima F. Ia. Pushkin i Belinskii [Pushkin and Belinsky]. *Russkaia literatura* [Russian literature], 1977, No 1, pp. 30–46. (In Russ.)

59. Pushkin A. S. Pis'mo k izdateliu [Letter to the publisher]. *Sovremennik* [Contemporary], 1836, vol. 3, pp. 321–329. (In Russ.)

60. Pushkin. *Sobranie sochinenii. Biblioteka velikikh pisatelei pod redaktsiei S. A. Vengerova* [Collected Works. Library of great writers, edited by S. A. Vengerov]. Sankt-Peterburg, Brokgauz-Efron Publ., 1911, vol. 5. 552 + 80 p. (In Russ.)

61. Pushkin. *Polnoe sobranie sochinenii: v 16 tomakh* [Complete Works: in 16 volumes]. Moscow, Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1837–1959. (In Russ.)

Vol. 3, book 1. Stikhotvoreniia, 1826–1836. Skazki [Poems, 1826–1836. Fairy tales], editors S. M. Bondi, T. G. Zenger, N. V. Izmailov, A. L. Slonimsky, M. A. Tsyavlovsky. 1948. 635 p.

Vol. 3, book 2. Stikhotvoreniia, 1826–1836. Skazki [Poems, 1826–1836. Fairy tales], editorial M. A. Tsyavlovsky, T. G. Tsyavlovskaya-Senger. 1949. 744 p.

Vol. 11. Kritika i publitsistika, 1819–1834 [Criticism and journalism, 1819–1834], editors V. V. Gippius, B. M. Eichenbaum, B. V. Tomashevsky, S. M. Bondi, N. V. Izmailov, V. V. Vinogradov, B. S. Meilah, B. I. Coplan, A. I. Zaozersky. 1949. 600 p.

Vol. 12. Kritika. Avtobiografiia [Criticism. Autobiography], editors V. V. Gippius, B. M. Eichenbaum, T. G. Tsyavlovskaya-Zenger, N. G. Bogoslovsky, S. M. Bondy, G. A. Byaly, N. V. Izmailov, V. L. Komarovich. 1949. 576 p.

Vol. 13. Perepiska, 1815–1827 [Correspondence, 1815–1827], editorial D. D. Blagoy. 1937. 651 p.

Vol. 14. Perepiska, 1828–1831 [Correspondence, 1828–1831], editorial staff L. L. Domger, N. V. Izmailov, B. L. Modzalevsky, D. P. Yakubovich. 1941. 547 p.

Vol. 15. Perepiska, 1832–1834 [Correspondence, 1832–1834], editorial staff L. L. Domger, N. V. Izmailov, L. B. Modzalevsky. 1948. 391 p.

Vol. 16. Perepiska, 1835–1837 [Correspondence, 1835–1837], editorial staff L. L. Domger, N. V. Izmailov, L. B. Modzalevsky. 1949. 503 p.

62. Pushkin v neizdannoi perepiske sovremennikov (1815–1837) [Pushkin in unpublished correspondence of contemporaries (1815–1837)]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1952, vol. 58, pp. 3–154. (In Russ.)

63. *Pushkin v pis'makh Karamzinykh 1836–1837 godov* [Pushkin in the letters of the Karamzins of 1836–1837], edited by N. V. Izmailov. Moscow, Leningrad, 1960. 433 p. (In Russ.)

64. Radishchev A. N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 3 tomakh* [Complete Works: in 3 volumes]. Moscow, Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1938, vol. 1. 503 p. (In Russ.)

65. Sadovnikov D. N. Otzyvy sovremennikov o Pushkine. (K materialam dlia ego biografii) [Reviews contemporaries about Pushkin. (To the materials for his biography)]. *Istoricheskii Vestnik* [Historical Bulletin], 1883, December, pp. 520–542. (In Russ.)

66. Sliusar' A. A. *Proza A. S. Pushkina i N. V. Gogolia. Opyt zhanrovo-tipologicheskogo sopostavleniia* [Prose by A. S. Pushkin and N. V. Gogol. Experience of genre-typological juxtaposition]. Kiev, Odessa, Lybid' Publ., 1990. 188 p. (In Russ.)

67. Sobolevskii S. A. Iz pisem k M. N. Longinovu [From letters to M. N. Longinov]. *A. S. Pushkin v vospominaniiakh sovremennikov: v 2 tomakh* [A. S. Pushkin in the memoirs of contemporaries: in 2 volumes], introductory article by V. E. Vatsuro, compilation and notes by V. E. Vatsuro, M. I. Gillelson, R. V. Jesuitova, Ya. L. Levkovich. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1985, vol. 2, pp. 14–16. (In Russ.)

68. Solov'ev V. Sud'ba Pushkina [The fate of Pushkin]. *Vestnik Evropy* [Herald of Europe], 1897, No 9, pp. 131–156.

69. Tarkhova N. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva Aleksandra Pushkina: v 4 tomakh* [Chronicle of the life and work of Alexander Pushkin: in 4 volumes], compiled by N. A. Tarkhova. Moscow, Slovo Publ., 1999, vol. 4. 1833–1837. 752 c. (In Russ.)

70. Tikhonravov N. Primechaniia redaktora i varianty [Editor's notes and variants]. *Gogol' N. V. Sochineniia. Desiatoe izdanie* [Works. Tenth edition], the text is verified with the author's manuscripts and the original editions of his works N. Tikhonravov. Moscow, 1889, vol. 1, pp. 505–709. (In Russ.)

71. Tomashevskii B. V. Pushkin i frantsuzskaia literatura [Pushkin and French literature]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Moscow, Zhurnal'no-gazetnoe ob'edinenie Publ., 1937, vol. 31–32, pp. 1–76. (In Russ.)

72. Trubitsyn N. N. *O narodnoi poezii v obshchestvennom i literaturnom obikhode pervoi treti XIX veka. (Ocherki)* [On folk poetry in public and literary use of the first third of the XIX century. (Essays)]. Sankt-Peterburg, 1912. 593 p. (In Russ.)

73. Turgenev A. I. Rech' o russkoi literature [Speech about Russian literature]. *Literaturnaia kritika 1800–1820-kh godov* [Literary criticism of the 1800s — 1820s], the author of the article, the composition, notes and preparation of the text of L. G. Frizman. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1980, pp. 44–47. (In Russ.)

74. Uvarov S. S. Otchet po obozreniiu Moskovskogo Universiteta [Report on a review of Moscow University]. *Dopolnenie k Sborniku postanovlenii po Ministerstvu Narodnogo Prosveshcheniia. 1803–1864* [Addition to the Collection of resolutions on the Ministry of National Education. 1803–1864]. Sankt-Peterburg, 1867, column 340–370. (In Russ.)

75. Uvarov S. S., Batiushkov K. N. O grecheskoi Antologii [On the Greek Anthology]. *Arzamas: Sbornik: v 2 knigakh* [Arzamas: Collection: in 2 books]. Moscow, 1994, book 2, pp. 100–115. (In Russ.)

76. Franko I. Ia. Vii, Sholudivii Buniaka i Iuda Iskariots'kiii [Vii, Sholudii Bunyak and Judas Iskariote]. *Ukraina*, 1907, No 1, pp. 50–55. (In Ukrain.)

77. Shevyrev S. P. Dant i ego vek. Issledovaniia o Bozhestvennoi komedii [Dante and his century. Studies on the Divine Comedy]. *Uchenye Zapiski Imperatorskogo Moskovskogo universiteta* [Scientists Notes of the Imperial Moscow University]. 1834, No 11, May, pp. 365–397. (In Russ.)

78. Shchegolev P. E. Iz zhizni i tvorchestva Pushkina. Tret'e izdanie [From the Life and Works of Pushkin. Third edition]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1931. 388 p. (In Russ.)

79. Shchegolev P. E. *Duel' i smert' Pushkina. Issledovanie i materialy. Tret'e izdanie, dopolnennoe* [Duel and Pushkin's Death. Research and materials. Third edition, enlarged]. Moscow, Kniga Publ., 1987. 550 p. (In Russ.)